

Княжич
степных
земель

Анна Чайковская

Диана Чайковская

Княжич степных земель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69003520

SelfPub; 2024

Аннотация

В дикой чаще живёт чародей Витольд. Однажды он собирает восемь учеников и обучает их колдовскому ремеслу. Тяжёлая и горькая служба становится для них практически несносной, но в один прекрасный момент господарь исчезает без вести. Одни вздыхают с облегчением и благодарят богов, другие – ждут возвращения чародея, а Зулейка, Лыцко и Марена покидают надоевший дом и отправляются в Кадзимежское княжество, где сразу попадают в сеть интриг.

Содержание

I. Господарский дом	4
II. За лихой чашбой	29
III. Семя и свечи	59
IV. Ворожба на мёде и крови	84
V. Скомороший смех сквозь птичий клёкот	109
VI. Чем дальше в лес, тем громче крики	133
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Диана Чайковская

Княжич степных земель

I. Господарский дом

1.

Деревянный пол отдавал могилой и мраком. Зулейка лежала в углу, свернувшись в комок, и отказывалась верить. Сколько дней уже прошло с тех пор, когда отец привёл её в дом господаря–чародея? Конечно же, он пообещал вернуться за ней. Казалось, совсем недавно Зулейка видела его у ворот. Она ждала – выходила каждое утро во двор. Иногда приходилось видеть, как прилетает ворон. Это был сам господарь. Поначалу Зулейка пряталась в тени деревьев – потом перестала. Пусть знает, что она покинет это место. Знал бы кто, сколько раз ей приходилось убеждать себя!

Правда оказалось горькой, как и её ремесло. Она оказалась седьмой из восьмерых детей, в которых вбивали знание и заставляли каждый день трудиться от рассвета до заката. Если господарь не был доволен, он мог запереть кого–то на чердаке. До тех пор, пока нерадивый ученик не усвоит урок. Зулейке тоже доставалось. Она была не хуже и не лучше других. Однажды господарь приказал ей оживить камень, используя пламя. Зулейка старалась изо всех сил, но лишь

обожгла руки. Она тихо плакала и поджимала губы. Заклинание никак не удавалось – и тогда господарь схватил её за руку и отволок на чердак, где запер на всю ночь. Худо, бедно, с красными от слёз глазами, но она смогла. Какой же была её радость, когда камень, опущенный в огонь, задрожал в руке!

На рассвете господарь выпустил её, позволил поест и даже отдохнуть, держа ладони в холодной воде. Тогда она прочла в его глазах холодное одобрение. Большого от него не следовало ожидать. В такие моменты Зулейка молила всех богов, чтобы отец вернулся как можно скорее. В своих снах она видела, как он убивает коварного чародея и вызволяет их всех.

– Зря надеешься, – бросил Лыцко, когда сонная Зулейка сидела у ворот. – Он тебя продал. Всех нас продали.

– Ты врёшь! – она замотала руками, не желая слушать. – Ты ничего не знаешь!

Зулейка бежала в комнату с горькими слезами. Она не желала слушать Лыцка, глупого Лыцка, который год назад попытался сбежать из господарского дома и был пойман. Чародей запер его в дальней комнате на целую седмицу. На восьмой день он пришёл на завтрак побледневшим и изнурённым, а господарь... Господарь вкрадчивым голосом попросил никого не покидать дом без его ведома.

Тогда Зулейка сделала самый решительный и смелый поступок. Она отправилась к чародею и попросила.

– Я ненадолго, – она сжимала пальцы изо всех сил, – мне

нужно лишь проведать родителей и...

Договорить Зулейка не успела – чародей расхохотался, а затем показал ей расписку. Ту самую, где её отец отказывался от прав на свою дочь и передавал её в полное владение чародею. Она словно онемела и умерла одновременно. Даже не помнила, как захлопнула дверь с извинениями и побежала в комнату.

Больше Зулейка не выйдет к воротам. Ни завтра, ни послезавтра, ни через вторую седмицу. Она продолжит спокойно служить господарю и работать с пламенем и камнем. Обязательно выучит новое заклинание, и не одно. Но не сейчас.

Спина сгибалась пополам, и казалось, что весь мир предал её. Эта комната была удивительно похожей на три могильные доски. Обычно в ней было шумно – Зулейка жила вместе с Лыцком и Мареной, но они оба находились на занятиях. И хорошо. Пусть Лыцко сколько угодно болтает с колодезной водой, а Марена – с ветрами. Лишь бы только не вернулись пораньше и не обратили на неё внимания.

Зулейка глотала собственные слёзы, мысленно возвращаясь в злосчастную господарскую комнату. А ведь ей твердили с детства: будь послушной, не перечь старшим. Она, конечно, не была главной красавицей, но и замуж её выдать вполне могли, хотя бы за пастуха. Зря тогда кричала, что никого не хочет – сейчас пошла бы. Стала покладистой. И даже к русалочьему ручью никогда не подходила бы и не заговаривала с чешуйчатými девами. Стоило ей вспомнить об этом, и го-

речь перетекла в тонкий смех. Он рвался наружу и заставлял впиваться руками в волосы, вырывать смольные пряди одну за другой и не останавливаться ни на миг.

Такой её застала вернувшаяся Марена. Сперва она звала Зулейку по имени, а потом достала из их общего тайника палёную воду и заставила её пить.

– Тише–тише, – приговаривала мягким голосом, – успокойся и усни, всё пройдёт.

Да, пройдёт. Станет прахом и улетит на крыльях. Так же, как хотелось ей.

2.

Лыцко никогда не был на хорошем счету у господаря. Он не любил ни его, ни людей, которые сперва относились к нему с отвращением, а после и вовсе обменяли на пять коз. Шутка ли? И смешно, и грустно. Но унывать было некогда. Чары не ложились ему в руку сами, они вообще не особо хотели ложиться – приходилось даже ночью сидеть у колодца и всеми мольбами–проклятьями заговаривать воду. Впрочем, даже ему иногда везло и заклинание удавалось с первого раза. Сейчас – с четвертого, тоже неплохо. Наблюдавший за ним господарь хмыкнул, развернулся и пошёл прочь. Это было скупое одобрение.

Лыцко знал: чародей не любил их. Он слишком неохотно делился знаниями. Оттого парень вечно задавался вопросом, зачем великому господарю так усиленно вбивать в них колдовство? Господарь ценил своё ремесло превыше всего,

а они... Находились где-то внизу. Эта неясность не давала ему покоя. Можно, конечно, спросить, но вряд ли господарь скажет правду. Он держа их в строгости и страхе, взваливая тяжёлую ношу, которая была дорога ему самому.

Парень собрал обереги, стоявшие у края колодца, и пошёл в дом. Их всех ждал сытный, но почти безвкусный обед. Чародей не баловал их вкусами, но и не держал на грани голода, всегда повторяя, что им нужны силы. Как же лицемерно это звучало! Ведь если заклинание не будет получаться – тебя тут же запрут на чердаке без еды. И спасайся как хочешь.

Лыцко сглотнул. Он хорошо запомнил ту седмицу. Голодный, готовый убить за кусок хлеба, он сидел во мраке и чувствовал, как что-то подбирается к нему всё ближе. Казалось, вот-вот – и придётся жадно выпиться в собственное запястье. К счастью, господарь вызволил его намного раньше. Чародей тогда произнёс одну-единственную фразу:

– Больше не убегай.

Лыцко и не собирался. Он уже понял, что не нужен своим. Там его не примут, а здесь... Здесь хотя бы есть крыша над головой, еда и хоть какое-то, но ремесло. Не самое худшее из тех, что есть на свете. Этого было достаточно, чтобы остаться.

Иногда он ловил себя на мысли, что очень завидует Зулейке. Наивной и глупой – но у неё хотя бы осталась надежда. Он видел, как она одевалась и уходила каждое утро. А

ещё пытался сказать ей правду, но Зулейка не верила.

– Оставь её в покое, – однажды бросила Марена. – Она сама поймёт со временем.

Марена была иной. Она занималась спокойно и размеренно, с детства зная, кто она такая и что делает в господарском доме. И – единственная, кто неустанно благодарил чародея за знания. Другие за это её не любили. Считали, что подлизывается. Марене было всё равно – она лишь видела, насколько тяжело даётся обучение господарю. Как будто что-то дорогое отрывается от его сердца.

Льцко её понимал, но любви к ремеслу в нём по-прежнему не было. Он надеялся, что чародей скоро умрёт – и тогда они все обретут свободу, смогут пойти куда угодно, хоть за край миров. О, об этом он и мечтал! А если нет – он накопит достаточно сил и знаний, чтобы уйти по собственной воле. Стремление вырваться из навязанной клетки поднимало его на ноги каждое утро и заставляло пытаться раз за разом, когда не получалось заклинание.

Он сам не заметил, как сжевал всю кашу. Холодно поблагодарив всех, Льцко встал из-за стола и ушёл. Ему нужен был отдых, а после... После будут новые усилия. Мало что могло его удивить, но спящей Зулейке и Марене это удалось. Последняя молча указала ему на бутылку палёной воды.

– Что, дошло-таки? – он зло хмыкнул. – А я ведь предупреждал!

– Не злорадствуй, – пристыдила его Марена. – Нам лучше

держаться вместе, а не солить друг другу.

– Может, ты и права, – Лыцко с удовольствием упал на кровать. – Но сейчас я готов убить того, кто мне мешает спать.

Марена не стала ему мешать. Она уселась на пол и начала перебирать птичьи перья, которые насобирала за пределами чащи. Эта ученица была из тех немногих, кого gospodarь иногда брал с собой. Может, потому, что в ней не было воли. По крайней мере, Лыцко никогда не видел, чтобы она перечила господарю и стремилась куда-то сбежать, хотя бы в мечтах. Скорее наоборот – Марена пришла к нему сама! Впрочем, это не мешало ей прятать палёную воду и изредка не являться к господарю.

Лыцко её не понимал и никогда не хотел. Принимать изнурительную службу за великий дар – ну уж нет! Он скорее умрёт, чем примет слова господаря о «великой семье» за прозрачную воду.

3.

– Ныне канун Самхейна, – хмуро проскрипел чародей. – Жатва закончилась, тёмное время близко. Берегите свои знания и держитесь поближе к огню.

Зулейка смотрела на тарелку с пшеничной кашей и пыталась вспомнить лицо отца. Вот тёплые объятия, вот большие мозолистые ладони, вот губы – и только. Ни глаз, ни носа – лишь размытый силуэт мелькал перед глазами. Ей было всё равно, что за окном тёмно и сыро, что дни стали короче, что

господарь был хмурей и седей обычного. Будь её воля, она бы запела долгую песню–мольбу. Таковую, которую молодые девушки пели в канун Рождества, собираясь стаями и молясь Всевышнему.

Признайся она в этом господарю, тот вряд ли бы обрадовался. Обозвал бы её нерадивой девчонкой и заставил трудиться сильнее прежнего, зажигая в мёртвом камне огонь жизни, и наоборот – убивая пламя и превращая танцующие огоньки в пустоту. Конечно же, она знала, что в ритуале речь шла о высшей магии, способной создать жизнь по собственной воле. Но эта искра не бралась из ниоткуда – приходилось вкладывать слишком много собственных сил. И с каждым разом ей это давалось сложнее. Может, оттого Зулейка и невзлюбила своё ремесло. Цена за маленький огонёк казалась ей непомерной. Сколько же труда надо вложить, чтобы получить что–то весомее?

– Мы сможем отправиться на охоту? – с нескрываемой радостью спросил Лыцко.

– Тебе лишь бы слоняться без дела, – пробурчал господарь. – Отправитесь, конечно. Да только не вздумайте мне приблизиться к живым!

– Почему, господарь? – она неожиданно для самой себя подала голос. – Что плохого в том, что мы будем говорить с людьми?

– Вам ещё рано, – отрезал он. – Однажды вы все покинете это место. Останется лишь тот, кто захочет. Наговоритесь

ещё на века вперёд. Но только не сейчас!

Надежда заиграла в ней снова. Зулейка молила всех богов, чтобы это произошло как можно скорее. Ей не нравилась ни зачарованная чаша, где живое смешалось с мёртвым, ни Пустошь. Её тянуло далеко за грань – туда, где бродят кочевники, где льётся живая кровь и царит много шума.

– Интересно, – заговорил Лыцко, – и когда же, господарь?

– Скоро, – тот преобразился в лице. – Даже ты не представляешь, насколько скоро.

Эта фраза поразила многих. Все восемь учеников начали бурно обсуждать. Кто-то осмелился строить планы, кто-то представлял, как перевалится через край мира. Зулейка ещё раз вспомнила отца. Того, кто совсем недавно казался ей родным и долгожданным. Хочется ли ей пойти к нему и посмотреть в его глаза? Увидеть мать, сестёр? Вместо желания внутри обнаружили тоска и пустота. Она не знала, куда устремится, но понесётся со всех ног вдаль. Будет жадно глотать пропитанный полынью воздух, а потом упадёт на траву.

Свечи в комнате стали ярче, стол – длиннее, а ужин – вкуснее. Зулейка ела с аппетитом и не обращала внимания на остальных. Скоро, совсем скоро, может, даже завтра! О, как застучало её сердце! Конечно, это не укрылось от господаря. Он знал каждого из них. Он кормил и наставлял их, заставляя изучать непомерно тяжёлое ремесло. И он понимал, что седьмая, как и большинство из них, хочет уйти.

– Скоро–скоро, – хмуро произнёс чародей, прихлёбывая

хмельное варево, – но не думайте, что вам придётся просто!

– В каком это смысле? – нашёлся Грицай.

– О, нам будет тяжелее без тебя, господарь, – заговорщицки усмехнулась Ядвига.

– Как будто у нас есть выбор, – пожалала плечами Марена.

Они разговорились так, будто чародея и вовсе не было рядом. Действительно: Зулейка заметила, как он вытер губы полотенцем и ушёл, оставив сложенную посуду. Господарь редко говорил с ними о чем-то постороннем, куда больше – учил. Неведомая сила потянула её вслед за ним. Зулейка ведь совсем не знала, из чего был создан этот человек.

Всё, что он делал – раскрывал перед ними запретные двери, но никогда не говорил о себе. А ведь ему наверняка миновал не один век. Но в их доме ни разу не появлялось гостей. Никто никогда не приходил к господарю и не интересовался его жизнью. Как будто сам мир и вовсе забыл о чародее.

– Чего тебе? – он не оборачивался, но этого и не нужно было. Господарь знал, что Зулейка пошла за ним. Он чуял её, как и остальных восьмерых.

– Я, – она замялась, – хотела спросить, как лучше подготовиться к Самхейну.

– Подготовишься к нему, как же, – пробурчал он. – Но пошли, потолкуем.

Господарская комната пахла совсем иначе. Зулейка чувствовала запах вереска и полыни. Повсюду валялись листки с исписанными чернилами, книги. В углу стоял деревян-

ный стол. И ей совершенно не хотелось знать, какое существо оставило на нём три громадных царапины. Уж явно не волк и не медведь. Господарь никогда не проявлял интереса к охоте, да и коней не держал. Он – Зулейка знала – становился иногда птицей и покидал дом, но ненадолго. А ещё он мог определить, где находится ученик. Так он нашёл Лыцка, а ещё однажды застал Зулейку, когда у той не получалось заговорить каменную глыбу.

– Самхейн, – господарь уселся на стул, – древний праздник. Ты должна помнить, что в этот день ткани миров переплетаются и к нам может проникнуть нечто неизведанное, то есть из нави.

– Поэтому обычные люди сходят с ума и становятся оболзёнными, – она пересказала строчки из книги.

– Ты не представляешь, сколько дел можно натворить за эту ночь, – чародей уставился на неё, и его глаза недобро сверкнули. – Можно весь мир с ног на голову перевернуть, спевшись с самыми сильными бесами, чего я тебе, дорогуша, очень не советую делать. Можно сплести судьбы великих людей, можно зачаровать саму Смерть, – он осёкся. – Да, ты можешь сделать многое.

– А если я не хочу ступать в мир нави? – Зулейка поёжилась. – Господарь, не поймите превратно, но... Там холодно и зябко. И мне не хотелось бы чувствовать... неживых.

– Смирись! – неожиданно воскликнул он. – Тебе *придётся* чувствовать неживых! Таков твой дар. Но я понимаю, что

ты хочешь мне сказать. Думаешь, я не вижу твой страх? – чародей криво усмехнулся. – Никому не хочется быть кормом для иных. И тут ты права, дорогуша. Ты хочешь защитить себя и слышать иных, зная, что они ничего не сделают твоей душе.

Зулейка кивнула. Чародей выудил из-под кипы бумаг несколько листков, исписанных вдоль и поперёк неровным почерком. Где-то были зачёркивания, надписи сверху, знакомые знаки.

– Тебе надо ещё усерднее заниматься, – фыркнул господарь. – Занимайся, не щадя рук, если так боишься за свою душу! А теперь ступай. У меня есть другие дела.

– Благодарю вас! – она поспешила подхватить пожелтевшие свёртки и выйти.

Зулейка чувствовала себя очень глупо. Она сама напросилась на дополнительную работу! Теперь у неё совсем не будет времени на отдых. Господарь наверняка спросит с неё через седмицу-другую, захочет узнать, что получилось. Зулейке никогда не нравилось навлекать на себя его гнев или даже неудовольствие, поэтому придётся упорно работать.

Она вернулась в комнату удручённая и озадаченная. Лыцко и Марена в стороне беседовали о птицах и перьях. Марена увлечённо рассказывала парню о том, как славно было бы жить в горах всё лето – тот поддакивал и перебирал скарб соседки. Зулейка не стала отвлекать их – молча спрятала свитки под подушку и упала на постель. День был длинным и тя-

жѣлым, впереди – почти такой же, и ей надо было непременно выспаться.

Держалась она лишь на одном – маленькой надежде, что их общий кошмар вот–вот закончится и очередное утро станет радостным.

4.

Охота – весѣлое, но нелѣгкое занятие. Впрочем, их уроки были ничуть не легче. Но в канун Самхейна господарь позволял ученикам уделять чуть меньше внимания ремеслу и чуть больше – обычным делам. Одни оставались убираться в доме, другие отправлялись на охоту, в поисках крупной дичи, хотя обычно господарю привозили мясо. Повозка приезжала раз в седмицу. Чародей молча расплачивался и приказывал тем, кто стоял на страже, разложить пищу. Зулейке тоже приходилось таскать мешки с зерном, а затем ощипывать куриц. Но возня на кухне, во дворе или других комнатах дома никогда не освобождала их от главного долга. Служба же.

Но во время осенней охоты господарь делал исключение. Впрочем, не для всех: оставшиеся должны были продолжать и трудиться, не покладая рук. Ушедших это не касалось. Зулейке не повезло в этот раз. В прошлом году она бегала по замѣрзшей чаще, которая собиралась погрузиться в долгий зимний сон. Парни тогда принесли нескольких уток. Она – ничего. Господарь ответил кивком.

Теперь настал черѣд первых пяти учеников. Марена, четвертая среди них, охотно собиралась в долгий путь. Лицо её

сияло в загадочном предвкушении. Зулейка завидовала, хоть и понимала: господарь не отпустил бы её.

– Будь моя воля, – она тяжело вздохнула, – улетела бы отсюда далеко–далеко.

– Будь моя воля, – улыбнулась Марена, – я бы отправилась к степным княжичам.

Бежать от господаря – бесполезное дело. Они знали, что чародей отыщет их даже на краю света. Он мог осмотреть и явь, и навь одним взглядом, а после достать необходимое в один миг. Господарь властвовал над их душами, держа все восемь невидимой тонкой цепью, и эта цепь заставляла каждого из них возвращаться в дом.

– Счастливая, – Зулейка проводила соседку. – Удачи тебе!

– Благодарю, – отозвалась та. – И тебе того же!

Дом опустел на целый день. Это означало, что Зулейке, Лыцку, Грицаю и Ядвиге предстоит хорошо поработать. Лыцко и Грицай взяли огромные мётлы и принялись убирать полы, приговаривая, чтобы вместе с накопившимся сором из избы ушло всё злое. Хотя это уж вряд ли. Лыцко не скрывал своей досады: он–то надеялся отправиться на охоту и порезвиться от души посреди просторных полей. Но господарь уже во второй раз не пустил его, сказав, что в том нет ни нужды, ни пользы.

Тем временем Зулейка и Ядвига отправились на кухню, где их ждали засушенные охапки трав, чёрная печь и горы горшков, которые предстояло очистить до блеска. Господарь

запрещал применять им чары для таких простых вещей, указывая, что так делают лишь те, кто не ценит свой дар. Оставалось лишь вымывать грязь руками и думать о духовной защите. Зулейка вспомнила о недавнем разговоре, когда увидела кристаллики соли.

– Точно! – она спрятала несколько штук в карман. Чародей постоянно повторял им, что соль – великое благо. Её камни использовались для очистки и изгнания нечистых. Самое худшее, что мог сделать человек – прийти к могильнику, царству Смерти и вратам нави, с мешком соли и посыпать землю вокруг.

Но на этом работа не закончилась. Пока Ядвига переставляла горшки, Зулейка убирала столы, вытирая их несколькими полотенцами постепенно. Запах перца ударил в нос. Пришлось поморщиться и закрыть глаза.

– Горькие травы! – фыркнула Ядвига, с отвращением отставляя горшок в сторону. – И кто только их тут оставил?!

– Тот, кто готовил в прошлый раз, – вздохнула Зулейка.

Они переглянулись, тяжело вздохнули и продолжили очищать кухню. В такие моменты служба господарю казалась донельзя изнурительной, будто бы чародей хотел не столько научить, сколько сломить их всех.

Перечистив всё, что только можно было перечистить, Зулейка начала намыывать полы. Тело ныло и просило отдыха – а ведь вечер только-только начинался! Да, нелегко пришлось. Нелегко и горько. Зулейка прикрыла глаза, сдержи-

вая слёзы, и обратилась ко всем богам, моля их о свободе. Она много раз обращалась к ним, обещала сделать что угодно, лишь бы только господарь отпустил её навсегда.

Слишком сильной горечью отзывалась в ней эта служба.

5.

Выстиранное в ручье бельё развевалось на ветру. Прохладный воздух приятно проходил по разгоряченной коже. Уставшая Зулейка сидела во дворе и смотрела на облака, которые расплывались по небу багровыми полосами. Лето улетело, жатва и впрямь закончилась, потихоньку наступало навье время. Это была девятнадцатая осень, но живот всё равно сводило от страха. Словно вот-вот кровавый небосвод превратится в косу, и перед ней явится сама Смерть.

Время утекало. Последние солнечные лучи скрылись за горизонтом. Запах прелой листвы смешался со свежестью. Ещё миг – и пойдёт ливень. Благо, новоиспечённые охотники уже показали на знакомой тропинке. Успели-таки вернуться до наступления полной темноты. Господарь не велел им задерживаться и они не посмели послушаться.

– Столько уток, столько уток было! – весело хвастался Лешко. – Вы не представляете себе, какие бескрайние просторы там, за Пустошью!

– Красота, – отрезала Марена.

– Эх, воля-вольная, – в голосе Лыцка улавливались тоска и зависть, – где же ты теперь?

Марена укоризненно взглянула на него и покачала голо-

вой, мол, горбатого исправит только могила. Впрочем, мало кто поддерживал её и верил, что господарь делает для них нечто великое.

– Несите добычу на кухню, – распорядилась Ядвига. – Завтра будем пировать!

Сегодня господарь не спустился к ним. Может, оттого за столом было удивительно оживлённо. Зулейка жадно ловила каждый образ и представляла, как сама выйдет из чаши. Реальность постепенно тускнела перед глазами, голоса названных и навязанных братьев–сестёр доносились будто бы сквозь густую пелену тумана. Она сама не заметила, как заснула, не доев ужин. Улетела туда, где даже господарь не может достать её. И там, за пределами колдовских владений, дышалось в разы легче.

6.

Утренние лучи застали Марену на дубе. Она сидела на увесистой ветке и спорила с филином, который упорно утверждал, что в их чашу потихоньку проникает Смерть. Наивный мир вынуждал всё живое пятиться в страхе. Марена качала головой: что может знать наивная птица, которая в страхе летит на юг, а потом возвращается и застаёт зелёные травы и тёплое солнце! Филин фыркнул и сорвался с ветки. Наверняка обиделся. Марену это не расстраивало, тем более, что настаивал рассвет – а значит, пришло время возвращаться к господарю.

Она прыгнула и побежала сквозь кусты багровой калины

и колючий шиповник. На полпути Марена заметила, что за ней наблюдал ворон. Но стоило ей повернуть голову в его сторону, как птица тут же сорвалась с ветки и полетела к дому, махая огромными смольными крыльями. Конечно же, она узнала господаря, но переживать совсем не собиралась. Чародей позволял Марене выбираться в чащу, чтобы говорить с птицами, собирать их перья и складывать вместе с травами и камнями, создавая нечто удивительное.

Оттого, наверное, и служба была для неё почти не обременительной. Она сама попросила мать отдать её чародею. Марене совершенно не хотелось становиться женой, да и жена вышла бы из неё скверная. Куда это годится, если девица под утро сбегает из дома, а вместо наваристой мясной похлёбки делает травяные отвары? Мать поплакала, а потом смирилась. Марена по ней не скучала – скорее наоборот: радовалась, что так легко сбежала от столь жуткой участи.

О, – почти у самого крыльца она приметила грибной круг, – надо бы рассказать Зулейке.

Через грибные круги можно было попасть в мир иных и достать оттуда что-то. Господарь строго-настрого запрещал им проводить подобные обряды, за исключением Зулейки, судьба которой была крепко связана с миром нави. У названной сестры и впрямь был хороший дар, только та не умела ценить его. Воображала себя пленницей, как и Лыцко. Порой Марене хотелось смеяться с этих двоих. Припеваючи, она пришла на кухню за солью и веточками облепихи. И к

собственному удивлению застала там господаря. Уставшего, но всё такого же спокойного.

– Пойди–ка на чердак, – отрезал он. – Позанимайся там.

– Да, – Марена кивнула. – Я только возьму соль и облепиху.

Господарь ничего не ответил. Он отвернулся и начал пить настой. Неведомый и, судя по лицу чародея, удивительно горький. Марена не стала спрашивать. Она верила, что господарь знает своё дело. Не ей указывать ведающему и всевидящему.

Засушенные веточки облепихи нашлись быстро, соль – ещё быстрее. Марена заботливо сложила их в маленький серый мешочек и хотела было перешагнуть порог. Но щемящее чувство, которое ей много раз приходилось подавлять, всё же вырвалось наружу.

– Почему вы отдаёте нам своё? – она с сочувствием взглянула в серые глаза господаря. – Вы ведь не должны. Это всё – всё! – ваше!

И она была тысячу раз права. Господарь вливал в них свои силы, вкладывал свои знания. А чародеи – Марена знала – слишком сильно дорожат и первым, и вторым. Они бы никогда не стали возиться с простым смертным, и неважно, будь у того дар или нет. Он давал им куда больше.

– А ты смышленее остальных, – он неожиданно усмехнулся и сразу переменялся в лице. – но твоё паршивое сердце тебя сведёт, Марена–птичница! Никогда не лезь в чужие де-

ла и не навязывай никому ненужное добро!

Марена опустила голову. Да, она была права, но и чародей ведь наверняка знал, что делает.

– Простите, – ей хотелось провалиться под пол от стыда.

– На чердак! – процедил сквозь зубы господарь.

Она полетела по скрипучей лестнице и забралась в самое пыльное и тихое место дома. Здесь обычно запирали наказанных, и не зря. На чердаке находилась целая гора колдовских вещей. Несведущих они пугали, у сведущих пробуждали любопытство. Среди них находился и тайник Марены – огромный ящик перьев, камней и пучков травы.

Свою сокровищницу она предпочитала хранить вдали от любопытных глаз, поскольку давно уже знала, что Лыцко втайне подворовывает у неё: то камни, то перья, то ещё что-нибудь. Однажды стащил зеркальце. Непонятно, зачем ему сдалось оно. Не с русалками же общаться через него собрался!

Но в этот раз Марену ожидало удивительное. В мешочках с перьями она нашла четыре длинных, иссиня-чёрных. Они переливались на солнце и зачаровывали глаза. Сомнений не было – перья принадлежали господарю и сами просились в руки. Оставалось лишь крепко-крепко прижать их к груди и улыбнуться. Потому что чародей заботился о ней. О них всех. Что бы он ни говорил и каким бы строгим ни казался.

Господарский подарок Марена пообещала себе оберегать и хранить, как зеницу ока. Стоило ли говорить, что она на-

чала колдовать с удвоенной силой, призывая на помощь духов ветра? Может, она даже призовет гончих Жатвы и улетит вместе с ними? О, благодаря чародею Марена могла многое, и сила её с каждым годом крепла.

7.

– Это ж надо было эдак разнести чердак! – Лыцко покопился в сторону названной сестры. – И как тебе только с рук сошло?

Марена смотрела на дотлевающий можжевельник. Она не знала, что ответить брату, ибо любое её слово вызвало бы у него неприятие. А между тем приближался Самхейн, и им следовало бы очиститься от всего дурного.

Багряные свечи господаря горели дольше восковых, создавая в комнате приятный полумрак. Марене они очень нравились – Зулейку пугали до безумия. Оттого последняя и забилась под одеяло и отказывалась вылезать. А Лыцку... Марена чувствовала его обиду и боль на весь мир, но не могла ничего с этим поделать. Она надеялась, что камни соли и тлеющие пучки трав хоть немного согреют его заблудшую душу.

Но и саму Марену не миновали жестокие испытания. В тумане и полумраке ей привиделось до боли родное лицо. От этого видения её сердце затрепетало. Да, при всей своей службе она знала, что такое любовь. Но Юркеш был и остаётся княжичем. Наверняка однажды он станет великим князем и возьмёт себе в жёны княгиню... О, нет, она не удержит

жится от соблазна и непременно изведёт соперницу, потому что Юркеш – её!

«Берегись, Марена–птичница!» – послышался суровый голос господаря, и видение тут же пропало. Она очнулась в комнате посреди ночи, когда багряная свеча догорала на блюде.

– О, – скривил губы Лыцко, – уж не в Лешка ли наша красавица влюбилась? В брата названного?

– Всё б тебе слабости человеческие отыскивать да высмеивать их, – зло бросила она. – Поберётся б ты в такое дикое время.

– Лихо какое, – испуганно пролепетала Зулейка. – Наверняка он что–то затеял. Помните, как он однажды уезжал после Самхейна? А каким вернулся потом?

– Маловато палёнки выпила, – буркнул Лыцко. – Вечно голову кошмарами забиваешь, а потом трясёшься.

– Мы прожили уже восемь зим в господарском доме, – Марена зевнула. – Переживём и эту.

Она не стала делиться с Лыцком и Зулейкой своими догадками. Незачем забивать их головы всяким. Но сама видела, что господарь год от года старел не по–чародейски, а с недавнего времени варил разные отвары и выпивал. Даже если и так – у такого хватит сил пережить их всех и удивить мир. Зря она сомневается в нём, повидавшем много дивного и обращавшимся к миру нави.

Четвёртая седмица листопада проходила невероятно быстро. Близилось зимнее время, не оставляя ему никакого выбора. Ни одна живая душа не знала, каким мукам подвергался чародей, раз за разом отрывая от сердца самое дорогое и передавая его тем, кто совершенно не ценит. Порой он ненавидел их, всех восьмерых, глупых, не сведущих и не знающих, насколько дорого даётся знание.

Господарь чаши боялся признаться самому себе в простом, но очевидном. Он завидовал. Потому что у восьмерых было всё, особенно время. Время, которого смертельно не хватало ему.

– Мне казалось, ты уже принял решение, – послышался знакомый голос. Врала сказочники, абсолютно все: у погибели не было лица худощавой старухи – у неё был вполне себе живой взгляд и румяные щёки.

Молодая пряха смотрела на него с нескрываемым любопытством. Она, как никто другой, знала, что спорить с Судьбой бесполезно. Это та ещё злодейка, которая всё равно получит своё.

– Знаешь, я потратила слишком много времени, чтобы добраться сюда, – ведьма недобро прищурилась.

– Не говори мне о времени! – вспыхнул чародей. – Просто не говори.

Восемь лет назад пряха, прибывшая из западных земель, помогла ему обмануть саму Смерть. Плата оказалась жестокой, почти невыносимой. Чародей корчился в муках среди

многочисленных свитков и книг, но всё же согласился. Он хотел пожить ещё.

Но чем дальше, тем сложнее было убежать. Погибель настигала его. Чародей чувствовал, как костяная рука потихоньку тянется к его горлу. И он не собирался сдаваться. Потому снова обратился к Рэйкен и сделал невероятную жестокость самому себе.

В канун Самхейна ливень хлестал особенно сильно. Так, словно пытался выбить стёкла в доме. Его ученики спали крепким сном – и каждый, сам того не ведая, погружался в липкий и тяжёлый кошмар. Конечно, никто из них не увидел, как два ворона полетели за пределы Пустоши, преодолевая хлёткую водяную завесу.

9.

Они вскочили одновременно. Перепуганная Зулейка переводила взгляд с удивлённого Лыцка на вспотевшую Марену. В соседних комнатах тоже послышался шум. Остальные, прижимая самодельные фонари со свечами, переглядывались между собой. Каждый из них увидел жуткий кошмар. Зулейке приснился отец, зов которого смешивался со строгим голосом господаря, а затем её затянуло в грибной круг, на границу миров.

Они не знали, что делать. Стоило ли будить чародея? Он наверняка поворчит или накричит на них всех. Зулейка не рискнула бы, чего нельзя сказать о Ядвиге и Марене. Обе решились отправиться к господарю.

Девушки тихо постучали, но никто не ответил. Затем – чуть решительней. И так дошло до грохота. Тщетного, ведь им по–прежнему не открывали. И тогда Ядвига и Марена сделали одну из самых страшных и рискованных вещей – они вошли в господарскую спальню без разрешения. Разбросанные бумаги, неведомые знаки на полу, кучи багряных свечей, фолиантов – всё оставалось таким же. Но господаря в постели не было.

– Ну ясно, – пожалала плечами Ядвига, – он опять улетел.

Внизу их ждали. Потерянные, уставшие и сонные ученики снова переглянулись и махнули рукой. Все восемь знали, что господарь временами улетал в обличье ворона. Он мог находиться в путешествии несколько дней, а потом неожиданно вернуться и потребовать сытного ужина. Иными словами, ничего примечательного не произошло, а кошмары... Кошмары и впрямь снятся иногда, да и время на дворе лихое – канун Самхейна.

Зулейка, Марена и Лыцко выпили по глотку палёной воды, чтобы крепко уснуть. Они не сомневались в том, что остальные поступят так же. Завтра им предстоит служба, а может, и большая немилость – ведь что скажет чародей, узнав, что в его спальне побывали без позволения?

Ничего хорошего, но и ничего удивляющего. С этой мыслью Зулейка провалилась в другой сон, более спокойный и умиротворяющий.

II. За лихой чащобой

1.

Зулейка подметала порог, то и дело оборачиваясь и смотря на ворота. Они всё такие же, словно ничего и не изменилось. А между тем заканчивалась первая седмица с тех пор, как улетел господарь. Жажда свободы манила её далеко за пределы густой чащи, чтобы выйти к Пустоши, пересечь её и спуститься к степным кочевникам. Людям, которых она не видела очень давно. Настолько, что почти забыла их.

Но страх останавливал Зулейку. Стойкая вера в то, что чародей вот-вот вернётся, держала её, не давая сделать ни шагу. Помесь надежды и страха не давала ей спать по ночам и настолько истощила, что Зулейка всё меньше и меньше внимания уделяла обучению. Она почти не колдовала, не говорила с камнем, не чаровала над пламенем и не связывалась с миром нави. Думалось лишь об одном – вернётся ли господарь и сможет ли она уйти?

Надежда билась в ней и раз за разом напоминала о словах, которые чародей обронил совсем недавно. Он поселял в её сердце семя, и оно потихоньку прорастало, истощая и уговаривая уйти. Оттого она пообещала себе, что на вторую седмицу решится бежать. Даром, что Самхейн, даром, что господарь, если вернётся, не оставит на ней живого места, даром, что Марена уговаривала её остаться.

Когда она ощутит вкус свободы, ни одна сила не удержит её. И это время подступало всё ближе. Конечно, если вернётся господарь... Зулейка в страхе снова посмотрела на ворота, затем – на чистое небо. Никто не приближался к дому, только сороки щебетали недалеко, боясь суровой зимы. И не зря – совсем скоро багряные ветки деревьев станут белоснежными, всё живое замрёт на долгие седмицы. Когда луна начнёт четвёртый круг, тепло вернётся, пробьются сквозь снег первые ростки зелени и начнётся Остэра – великий праздник огня. Но до того времени ещё очень много. Жизнь Зулейки может сильно измениться к весне.

Другие ученики вели себя по-разному. Марена ждала господаря и занималась ещё усерднее, Лыцко тщательно продумывал план побега, собирал запас зерновой каши и трав, Ядвига и Лешко обходили дом несколько раз за день, но не находили ничего необычного. Почти все занимались делами, но последние подходили к концу, а новых не прибавлялось, разве что подготовка к Самхейну и долгой зиме. Кто-то пустил слух, что господарь вернётся в лихую ночь. Зулейку это не пугало. Не сильнее, чем неведомые тропы и бескрайние земли, которые она может увидеть.

Она пугалась и не боялась одновременно. И не знала, что сильнее. Лыцко подкреплял её веру в лучшее, Марена пугала устрашающей реальностью. Из-за последней Зулейка и решила подождать немного, а потом – хоть трава гори-пылай! Если переживёт Самхейн, то бояться будет нечего. Зу-

лейке хотелось верить, что она справится, даже если господарь поймает её. А что, если удастся убежать?...

– До сих пор думаешь? – Марена присела рядом. Говорящая с птицами держала в руках охапку совиных перьев и лунный камень.

– Мне страшно, – призналась Зулейка. – Господаря нет слишком долго.

– Он не обязан держать перед нами ответ, – она пожала плечами. – Но я верю, что он вернётся. Хотя тебе хотелось бы обратного.

Зулейка опустила голову вниз. Она столько лет мечтала уйти – и вот он, долгожданный момент. Или обман? Может, господарь наблюдает за ними сейчас, сидит в тени и ждёт, пока кто-нибудь сделает опрометчивый шаг.

– Он вернётся, – чуть твёрже повторила Марена.

И тогда Зулейка поняла, что птичница сама не знает ответа. Да, она верит, может, ни капли не сомневается, но Марена не знала наверняка. Значит, ей стоит надеяться.

– Но может и не вернуться, – произнесла Зулейка. – Никто из нас не знает этого.

Очевидные и правдивые слова заставили Марену погрузнеть. Она ушла, погружённая в свои мысли, а Зулейка улыбнулась. Господарь может не вернуться. Может забыть о них, об этом доме и глухой чаще. Если так, то ей... Им всем несказанно повезло!

Лыцко знал, что наступит день, когда он выйдет за ворота и побежит далеко—далеко, сквозь заросшие травами тропинки туда, где развеваются золотые колосья, где нашли своё пристанище степные кочевники. Он уйдет к ним, может, даже заведёт жену и будет водить острым мечом по чужой коже.

Господарский дом оставался без хозяина чуть меньше седмицы. Он сразу понял, что у чародея появились важные дела, вынудившие его покинуть эти земли надолго. Когда он вернётся, Лыцко будет уже далеко, на другом краю света. Он наберётся опыта, станет бравым воином и никто, кроме его собственного правителя, не будет ему указывать.

Лыцко спокойно собирался в путь, прикидывал, сколько еды ему пригодится, понадобятся ли исписанные чернилами бумаги со знаками иных. Эта дорога может затянуться и из-за Самхейна, ведь в чаше наверняка полно нечисти. Голодной и жаждущей человеческой плоти. Она боялась чародея, оттого держалась подальше от дома, но легко могла схватить того, кто окажется за воротами. Лыцко ходил и напевал старые детские песни, предвкушая дальнюю дорогу и встречу с вольными кочевниками.

Марена смотрела на него осуждающе, Зулейка – испуганно и заинтересованно. Ни для кого не было секретом, что последняя тоже хотела покинуть господарский дом. Если решится, Лыцко с радостью пойдёт вместе с ней. Вдвоём всяко легче, особенно на Самхейн. Порознь – сложнее, но он

справится.

– Скачет милый по дороге, а жена уж на пороге, – он примерял чистую рубаху и мешковатые штаны, которые прятал для особого случая.

Вот будет веселье, если чародей залетит в окно и засмеётся перед ним! Впрочем, старик знал, чего стоило ожидать от Лыцка. Значит, на то и рассчитывал. Или вовсе не подумал об учениках. Или дело оказалось слишком важным, потому пришлось задержаться.

Над чем бы он там вдалеке ни колдовал – пусть. А Лыцко пойдёт своей дорогой, заберёт с собой немного зерна, хлеба, воды, старый кинжал и кусок янтаря. Господарь пару лет назад всем им выдал по медовому камню и наказал беречь сильнее собственного сердца. Лыцко не знал, в чём его сила. Всё время он так и пролежал под подушкой, не принося пользы. Но что-то ему подсказывало: уж здесь-то чародея послушать стоит, зря старик говорить не станет.

Больше у Лыцка ничего не было. Его отдали почти голым и босым. Сейчас у него есть одежда, еда и знания. Более, чем достаточно, чтобы начать путь. И пусть господарь его проклинаят всю жизнь, пусть говорит о нём что хочет. Свобода была дороже.

– Ты завтра собираешься? – в голосе Зулейки прозвучала тревога.

– В начале седмицы, – Лыцко усмехнулся в предвкушении. – А что?

– Можно с тобой?

– Да, – он пожал плечами. – Но если будешь плакать и бояться, пойдём порознь.

– Я почти отбоялась, – Зулейка попыталась выдавить улыбку.

Лыцка раздражала её трусость. Она хотела убежать едва ли не сильнее его самого, но вечно слушала предупреждающие речи Марены, которая упорно хранила верность старому чародею. Как будто не грезила тем же и не мечтала оказаться в объятиях кого–то. Всё же правду говорили – глупые эти женщины и нерасторопные. Даже русалки – и те притворялись нелепо. Он–то давно раскусил водяных дев и смеялся с них. А те обижались и не понимали, отчего им не удаётся заполучить его душу, тёплую и вкусную.

Он с удовольствием достал из кармана наливное яблоко и начал грызть. Всё же славная осень, славное время! Кто вообще решил, что в канун Самхейна надо дрожать и прятаться? Ведь и обычный человек может так над нечистью надругаться, что самый опытный чародей завидовать будет. Чего уж говорить о них, вхожих в мир нави?

– Кудри, нож да меч стальной, что мне ветер, что мне зной, – он показал язык проходящей мимо Марене и, подпрыгивая, побежал на кухню, где схватил Ядвигу и закружил её в пляске. Та начала кричать и колотить Лыцка руками. Он, хохоча, отпустил её и, прихватив полупустую бутылку эля, ушёл. Желание провести последние дни в радости и ве-

селье крепло всё сильнее.

3.

В комнате Грицай и Ядвиги пахло яблоками. Наверняка что-то варили или готовили втайне от господаря. Но Марене не было дела до их тайнств – она пришла к Грицаю, потому что тот мог заглянуть в будущее и ответить на самый волнующий вопрос. Парень неопределённо пожал плечами.

– Я первым делом разложил карты, – Грицай нахмурился. – И ты знаешь... Ничего.

– Я не понимаю, – Марена прищурено взглянула на него. – Как это – ничего?

– Если хочешь знать, – он зевнул, – не все из нас встретят Самхейн в доме, не все из нас останутся тут после Самхейна. Кто-то будет возвращаться сюда, ведомый колдовскими нитями, кто-то покинет дом навсегда.

– А что господарь? – сердце Марены пропустило удар.

– Его как будто нет, – Грицай посмотрел на колоду карт. – Они не видят его.

– Спасибо, – она кивнула. – Я рада, что ты поделился.

Он не вернётся ни до Самхейна, ни во время, ни после. Ученики разбегутся в разные стороны. Может, даже забудут об этом доме и днях, проведённых здесь. Что делать ей? Искать ответы? Или пойти вместе с Лыцком и Зулейкой к степным кочевникам? Её там даже ждали. Марене хотелось верить Юркешу. Он писал ей, тешил надеждой, несмотря на то, что был княжичем.

Но сперва ей хотелось узнать, что случилось с господарем. Ответ можно было найти в его рукописях. Посмотреть разбросанные листы, полистать книги, изучить каждый незнакомый знак и понять, над чем трудился чародей. Это было хуже, чем побег. Господарь дорожил личными записями и никому не позволял влезать в них. К тому же она могла наткнуться на защиту, и тогда её любопытство обернётся большой бедой.

Марена думала, представляя то одно, то другое. Если бы она бросила всё и побежала к Юркешу, то её служба и ремесло утратили бы цену. Оттого она не могла покинуть дом. Не раньше, чем вернётся и позволит господарь или сама разберётся, докопавшись до истоков. Глубоко внутри себя Марена уже приняла решение – юная чародейка собиралась с силами, чтобы спокойно зайти в господарскую спальню и перерыть там всё, от разбросанных бумаг до запыленных книг. Если на неё падёт кара защитных чар – пусть. Но сидеть спокойно – нет уж, не тогда, когда вокруг творится нечто неясное. Зря радовался дурень Лыцко. Тому лишь бы улизнуть.

А ведь ей даже станет грустно. Марена настолько привыкла к Зулейке и Лыцку, что сама не заметила. Ей не хотелось, чтобы в доме менялись порядки и чтобы кто-то исчезал раз и навсегда. Но господарь улетел, и теперь всё пойдёт другим чередом.

Тоска отозвалась болью и вынудила Марену щелкнуть зубами. Она взмолилась всем богам, прося, чтобы пророче-

ство Гриция не сбылось. Пусть чародей вернётся в ночь Самхейна, гневно сверкнет глазами и начнёт раздавать наказания. Пусть будет старый уклад... Иначе Марене не хотелось чувствовать себя брошенной девчонкой. Сколько раз она со снисхождением смотрела на Зулейку – а теперь сама готова сидеть у ворот и ждать.

Она отказывалась верить, что они все – господарь, Лыцко. Зулейка – находились слишком долго и близко. Почти как Юркеш, письма которого она то и дело перечитывала, а после прятала. Марена лелеяла саму мысль о княжиче. И ей льстило, что он находит время на письма для неё, какой-то девки без рода и крови.

– Надо бы колодезной водой ополоснуться, – хмыкнула она.

Хотя во дворе было хмуро. Холодные дорожки из сухих листьев, почти замершие яблони и тёмная зелёная трава. Последней становилось всё меньше. А ещё вот-вот засохнет старая калина. И филин свалится с неё. И правильно, потому что хорошие филины среди бела дня на деревьях не сидят.

– Смерть ушла, – он принялся чистить перья. – Пируйте! Время пировать!

– Глупая птица, – шикнула на него Марена. – Хочешь сказать, господарь сгинул?

Тот не ответил – слетел с ветки и поднялся высоко, растворившись в туманной зелени, которая окружала чародейский дом. А ведь там, за густой чащей, прятались земли Пу-

стоши, а за ними – владения степных кочевников. Какая-то седмица–две пути – и она сможет увидеть Юркеша, а после обязательно вернётся обратно. Может, и господарь прилетит к тому времени.

Марена умыла лицо холодной водой и зашипела на саму себя. Нет, не ступит она за ворота, пока не узнает, почему господарь покинул их!

4.

Зулейке не спалось. Она тряслась, как осенний лист на ветру. Ещё бы – на рассвете они с Лыцком уйдут. Следующей ночью будет Самхейн и господарь может вернуться до того, как они пересекут дикий лес и окажутся среди Пустоши, которая постепенно перерастёт в степь. А там и появятся люди. Люди! Самые простые, привыкшие жать зерно и крепко держать оружие.

Зулейка не умела ни того, ни другого, но верила, что справится. Всяко лучше, чем виться в ненавистном доме, надеясь, что тебя помилуют. Нет, она уже привыкла к мысли, что господарской ласки не получит, да ей и не надо. Лишь бы только боги позволили им уйти, а дальше всё образуется само.

Она завидовала вере Лыцка и пыталась её перенять. Выходило слабо. Парень спал крепким сном, а до этого ходил веселее обычного, напевал песни и смеялся Марене в лицо. Неужто он, думалось Зулейке, не боится оказаться наедине с разъяренным господарем?

Впрочем, была и другая причина тревог. Иные приходили к ней из мира нави. Они с сожалением смотрели на Зулейку и вечно повторяли, что она, как и остальные восемь, находится в огромнейшей опасности. И это ещё сильнее убеждало: бежать из господарского дома – надо. Чтобы вдохнуть чистого воздуха полной грудью и наконец–то начать жить.

Зулейка ещё не знала, будет ли она прятать свои познания от людей или станет известной чародейкой среди степного племени. Хоть какого–то. Она вообще не думала, что будет после. Какая–то часть её полностью лишилась надежды и верила в неожиданное возвращение чародея, его гнев и злобу. И пусть, но оставаться и постоянно смотреть на ворота со страхом Зулейка не станет.

Ей стоило большого труда не прикасаться к палёной воде. Устав ворочаться, она поднялась, схватила заранее собранную котомку и вышла за порог. Багровые лучи только начали появляться. Ночная мгла будто бы сражалась со светом, уступая последнему. Роса приятно холодила ноги. Зулейка улыбнулась и присела.

А ведь было в этих годах что–то хорошее. Травы, камни, пряные напитки и праздничные ужины вместе с остальными. Конечно, служба тяжело давила, но порой это казалось настолько привычным, что... О нет, она не будет этого признавать! Зулейка слишком долго ждала и решалась. Да и не хватит у неё смелости побежать через чашу самой, особенно в волчье время.

Да, она будет оборачиваться, вспоминать Марену, Ядвигу, Лешка и других. Но не жалеть.

– О, – Лыцко пришёл удивительно вовремя. – А я–то думал, куда ты запропастилась. Идём?

Парень с весёлым свистом зашагал к воротам. Зулейка встала и побежала вслед за ним. Внутри словно переворачивался весь мир, ноги дрожали, на ветках то и дело мерещился огромный ворон. С жутким сердцебиением она вышла за ворота и... Ничего.

Перед ними расстелилась колдовская чаща. Туманная, багряная и пахнущая сыростью. Где–то вдали слышался вой неупокоённых духов, чуть ближе блуждали волки. Лыцко и Зулейка переглянулись, затем бодро зашагали по тропке.

– Заодно и проверим, – усмехнулся парень.

О том, что тропка была блуждающей, ученики узнали случайно и лишь благодаря Лыцку. Пытаясь сбежать, он брёл по ней и каждый раз возвращался к господарскому дому. Иные дороги были опасны. Они могли завести ещё глубже в лес или к границе миров, где блуждало море голодных и мёртвых. Разрешение чародея позволяло спокойно пойти по тропке и выйти к Пустоши. То же самое происходило, если господаря не волновала судьба учеников. По крайней мере, Зулейке отчаянно хотелось верить в это.

В какой–то момент они перешли на бег. И Лыцко тоже не скрывал своего страха – он нёсся с волнением и надеждой, что господарь не выпрыгнет на них из–за очередного пово-

рота и что в конце их ждут земли Пустоши, а не знакомые ворота. Но вскоре пришлось замедлиться. Зулейка устала, да и чаща казалась ей уже не такой жуткой. Она привыкла ко мраку и туману, за которыми прятались солнечные лучи. Даже проходящие мимо умертвия не казались ей чем-то пугающим. Всего лишь бледные тени, которые не могут прикоснуться к человеческой плоти.

Тропка вилась среди кустарников и деревьев. Зулейка поймала себя на мысли, что совсем не против отведать земляники. Она любила её, хотя gospodarь уверял её: пробовать еду в колдовской чаше опасно, это всё равно что отдать собственную душу иным. Может быть, он врал, а может, и говорил правду – кто теперь разберёт? В его нравоучениях Зулейка уж точно не нуждалась.

– Ты не против? – она остановилась у журчащего ручья, чтобы полюбоваться на собственное отражение, а заодно и попить.

– Заворожена-то водица, – Лыцко покачал головой. – Не вздумай пить.

Зулейка вздохнула и снова опустила взгляд. Её отражение улыбнулось, затем помахало рукой, словно подтверждая слова названного брата.

– Вижу, – и ведь всё равно приятно было опустить ноги. Она настолько привыкла ощущать за плечом иных, что уже не пугалась. Зулейка куда больше боялась господаря. Навий мир не мог ничего с ней сделать без её собственного позво-

ления. Главное – не впускать в душу, ничего не обещать и не просить.

– Мерзость, – бросил Лыцко, поморщившись.

Он знал всё о водах, но не балансировал на грани между мёртвыми и живыми. Оттого не скрывал, что хотел бы перейти лес как можно скорее. Зулейка кивнула своему отражению и перешла через ручей. Что-то ей подсказывало, что идти они будут долго, а ветвистый лес постепенно начнёт подбивать их, вынуждая сойти с тропы. Ей ли не знать, насколько коварны иные? Но Зулейка не отдаст им Лыцка.

Лишь сам чародей мог заставить её трепетать. Он властвовал над её душой, иные же не могли и не смогут.

5.

Марена жевала тёплый хлеб с зёрнами. Сегодня была очередь Бажены и Ярема заниматься на кухне. И эти двое очень любили печь, едва ли не сильнее своего ремесла. Оттого она уплетала мясную похлёбку вместе с лепешками, стараясь не думать о том, что сегодня их уже не восемь, а пять. Лыцко и Зулейка ушли, оставив в её распоряжении целую комнату.

– Интересно, приедет ли наша повозка, – Бажена посмотрела в окно. – Муки хватит, чтобы перезимовать, но к весне ничего не останется.

– Не думаю, что чародея не будет так долго, – хмыкнула Ядвига.

Грицай отмалчивался. По-видимому, он не собирался делиться своими догадками с остальными. И правильно, ина-

че паники станет больше. Ядвига тоже собиралась уйти – но только после Самхейна. Ей не хотелось злить иных. Ещё бы: ворожившую со светом и теплом мир нави и без того не любил. Что с ней станет в чаше, полной зелени, тумана и неупокоённых духов? Марена предпочитала не знать ответа.

Её в разы больше занимали господарские записи. Там она найдёт много знаний, а ещё поймёт, зачем улетел чародей, куда и как долго его не будет. Конечно же, если господарь вернётся через день–другой, он посмеётся с неё, назвав полной дурой, потому как ему вздумалось полететь к дальней родственнице всего–навсего, а они, его ученики, уже придумали себе невесть что и вообразили себя хозяевами в доме. Дурное воспитание, однако!

Но Грицай учился у чародея славно, а потому не мог ошибаться. И если такова правда, то господарь не вернётся через день–другой. Он вообще может не вернуться, а она потеряет драгоценное время.

Конечно, она не собиралась делиться с остальными задуманным. Вряд ли кто–то из них осмелится на подобную дерзость. А если и так – чего ей терять? Ей не страшно было ни подниматься по лестнице, ни перешагивать порог знакомой спальни. Марена боялась узнать о своём учителе нечто ужасающее и открыть для себя такие тайны, которые разломали бы голову. А ещё – разбудить нечто неизведанное и пасть жертвой проклятия. Потому что любопытство наказуемо.

Она начала с того, что валялось на полу. Собрала бумаги

в углу и принялась вчитываться. С виду эта россыпь выглядела бредово: в одних записях говорилось о живой и мёртвой воде, в других – о связи пламени с миром нави, на третьем листке Марена обнаружила выдержку из книги о птичьих перьях и том, где они применяются. Она смотрела на это разношёрстное чтиво и осознавала, насколько всё же их учитель могуществен. По–настоящему.

Каждый из них осваивал лишь одну сторону – их учитель знал больше. Живое и мёртвое, воздух и птицы, воды, умение заглянуть в будущее, ворожба с растениями, сила солнца, дар зачаровывать людей без зелий и варев и, наконец, смена ликов и мгновенные превращения. Насколько же навивным надо быть, чтобы с уверенностью бежать прочь и думать, что такой чародей тебя не поймает?

Их было восемь. Восемь душ, которыми он мог повелевать. Марена порой даже чувствовала его. Она попыталась прикрыть глаза и снова окунуться в мир ощущений, чтобы поймать ту самую нить и узнать, что же происходит с господарем. Но – ничего. Будто бы всё оборвалось.

Чародейка отказывалась верить в смерть учителя. Нет, такой человек не мог умереть, не оставив после себя ни единого следа. Да и Зулейка, Зулейка–проводница, наверняка что–то увидела б. И Грицай–прорицатель. И остальные.

Страшная догадка заставила её метнуться в другую сторону. Марена начала отчаянно искать нужную книгу. И хорошо, если не найдёт. Вот снова записи о пламени и камне,

вот эксперименты с разным варевом и засушенные растения, вот старая потёртая тетрадь, наполовину написанная тёмным языком. Она—то и заинтересовала Марену.

Письмена были написаны неровным почерком, отчасти — на языке мёртвых, отчасти — на одном из западных языков. Марена не знала его названия. Но одно было ясно как день: чародей оставил себе тьму. Сила мрака и знания о подлунном мире остались без сосуда. И эта сила наверняка разъедала его душу, плодилась и множилась внутри. Неудивительно, что он всегда был ворчливым, угрюмым и недовольным!

Чем больше Марена погружалась в написанное, тем сильнее поражалась и тем больше понимала господаря. Она хотела изучить их все, но не знала ни тёмного, ни западного языка. Это удручало её. Но, по крайней мере, чародейка могла отложить подобные записи и прочесть остальное, привычное и понятное. Хотя что, если самое важное кроется именно там, в неясном?

Марена смотрела на очередную страницу и недовольно цокала языком. Как же некстати ушла Зулейка! Та могла бы призвать инога и вынудить его прочесть, пересказать. Впрочем... Доверять чародейские записи существу из навьего мира? Нет уж!

Вопреки собственному любопытству она отложила тетрадь и вернулась к собранным на полу листам. Если господарь не вернётся, Марена отправится в западные земли. Сначала повидается с Юркешем, попросит у княжича славно-

го коня и поскачет далеко–далеко, аж за Малахитовые горы, которые лежат на границе – там, где кончаются земли степных племён. Это было настолько далеко, что Марене не хотелось даже воображать и представлять, сколько сил отнимет подобная дорога.

6.

Лыцко с жадностью вгрызался в наливное яблоко. Лес заметно помрачнел, кроны окрасились в багрово–жёлтый. Они и без того были багряными, но сейчас... Прямо–таки отсвечивали кровавым цветом. А ведь впереди – ночь Самхейна, одна из самых лютейших в году. Он не боялся её, хоть и отмечал про себя не раз, что спать придётся чутко, то и дело вскакивая и беспокоясь, не погас ли тлеющий огонёк.

Даже это было лучше господарского дома. Тёплого, но почти безжизненного. Зулейка проявляла удивительное спокойствие, но оно и понятно – навий мир следовал за ней по пятам. Вот уж кто будет крепко спать в лихую ночь и иногда просыпаться, страшась не умертвий, не духов, а разозлённого чародея.

И славно. Если бы они боялись одного, было бы хуже. Лыцко усмехнулся от этой мысли и выкинул тонкий огрызок под куст. Он с аппетитом принялся за второе яблоко. Зулейка предпочла ограничиться хлебом. Мешок с зерновой кашей на первую ночь они решили не открывать. Кто знает, сколько ещё им придётся идти?

– На Охоту в прошлом году мы шли меньше, – он хмык-

нул.

– Вы шли с позволения чародея, – подметила Зулейка.

– Посмотрим, – парень пожал плечами.

Ему не хотелось верить, что чародей уже настиг их и решил начать жестокую игру: заговорить тропу и заставить её истощить их, а затем привести–таки к дому. Чтобы неповадно было.

Что–то подсказывало Лыцку, что завтра они будут любоваться выжженной землёй и резвиться среди Пустоши. А ведь когда–то там раскидывались деревья, цвели кустарники и пели птицы. Среди учеников ходил слух, что степные кочевники попытались прогнать чародея и поселиться в чаще – тот же проклял их, да так, что самые плодородные земли охватило пламя. Тлело оно три дня и три ночи, унося с собой всю Жизнь из недр почвы. С тех пор там всё черным–черно, а в чащу никто не суётся. Но верить ли этому рассказу, Лыцко не знал. Может, выжженная земля там была задолго до прихода чародея.

Он вообще не любил рассказы о могуществе господаря. Видите ли, так силён, так способен, что ни одна хворь не берёт, а Смерть бегаёт вокруг ворот, да в сами ворота не заходит. Чушь! Лыцко верил, что всякого живого можно убить. И чародей – такой же. Да, знающий, да, видевший многое, но он по–прежнему оставался человеком, из плоти и крови.

– Слушай, а ты не знаешь, сколько лет–то ему? – задумчиво спросил он Зулейку.

– Господарю–то? – она взглянула на брата. – Да нет, не думала как–то.

– Много, – Лыцко улёгся, опершись о дуб. – Седина сединной. Наверняка уже одной ногой в могиле, а второй упрямо упирается.

– Умрёт он, как же, – она хмыкнула. – Да он всех нас ещё переживёт!

Лыцко очень не хотелось с ней соглашаться. Вот не могло взяться у старого чародея столько времени. Уж кто–кто, а он, Лыцко, застанет его погибель и вдоволь напьётся на поминках.

– Неа, – парень заговорщицки ухмыльнулся. – Не переживёт!

Он собирался вдоволь насладиться долгожданной свободой. Добиться славы, какой–никакой, жениться на красавице, заранее нацеловавшись с разными девицами, и всю жизнь дразнить дурных русалок, которые иногда пытались заманить его ко дну. Нет уж, Лыцко надышится и нагуляется всласть. Может, однажды даже помянет чародея добрым словом, если доживёт до тех лет. Не умрёт он раньше какого–то старика – слишком милой казалась ему жизнь. Милее её была только воля.

– Эх, воля–вольная, – он потянулся, устраиваясь поудобнее, – выйдем из этой проклятой чащи и как заживём!

Зулейка улыбнулась. Она была полностью согласна с ним.

От багряной свечи остался почти огарок, и Марена поймала себя на мысли, что ей придётся использовать восковые. Она уже знала, как создаются господарские, но у неё ничего не получилось бы без Зулейки. Почти всё чародейство упиралось в навий мир. Зато она могла обернуться птицей. Правда, ненадолго. У неё не выходило это так, как у Бажены, которая обучалась перевоплощению в разных зверей. Марена даже не могла раскрывать клюв – настолько слабой были её умения.

Она дождалась, когда погаснет оставшийся кусочек воска и янтаря, затем выскользнула из господарской спальни и крепко закрыла дверь. Уж слишком не хотелось, чтобы другие узнали об этом.

– Ты где пропадала? – на лестнице ей попалась Ядвига. – Мы уже все собрались.

– На чердаке, – невозмутимо ответила Марена. – Будете танцевать с бесами или вызывать умертвие?

– Очень смешно, – фыркнула та. – Можешь встречать Самхейн в одиночестве, мы не настаиваем.

– Я знаю тех, кому сегодня придётся хуже, – она тяжело вздохнула и зашагала в сторону кухни.

Марена мысленно возвращалась к Лыцку и Зулейке. Ей хотелось узнать, каково оно – проводить колдовскую ночь в холодной чаше, среди неведомого зверья, мороков и духов, которые никак не могут найти тепла и покоя. Она же схватила кусок пшеничного хлеба и села в углу стола. Сегодня

разговор не клеился – каждый был сосредоточен на своём. Грицай перемешивал колоду, то и дело раскладывая карты. Марена хотела подсмотреть, но вовремя одёрнула себя. Если понадобится, прорицатель сам откроет ей нужное.

– Не ходи к нему, – Грицай посмотрел на Марену так, словно хотел стереть с лица земли. – Пойдёшь – себя потеряешь.

– К кому? – спросила чародейка.

Парень не ответил и принялся снова перетасовывать карты. Совершенно не к делу ей вспомнился Юркеш, но он не писал Марене с тех пор, как закончилось лето. В последних письмах княжич уговаривал её присоединиться к степным племенам, чего она сделать не могла. Ни тогда, ни сейчас. Хотя сердце предательски ныло. Марена утешала себя тем, что их дороги с княжичем всё равно однажды разойдутся, а ремесло останется при ней и ещё теснее вопьётся в душу.

Ярем разливал по чашкам травяной чай с черникой. Бажена доваривала кашу. Ядвига вышивала подсолнухи, Лешко сидел в облике мыши и грыз кусок сыра. Без господаря между ними начал зарождаться холодок, пока ещё маленький. Каждый из них уходил в себя всё глубже и не желал слушать другого. Для Марены это было предсказуемо, но она всё равно грустила.

Как–никак, год назад они наперебой рассказывали о своих достижениях. Лыцко даже умудрился призвать рыбу прямо посреди стола, а после под всеобщий смех отнёс оную

в колодец под суровый взгляд господаря. Он почти молчал, но его присутствие было слишком ощутимым.

– Если мы все – камень на монисте, то чародей – нитка, – она хмыкнула и сделала глоток. Ягодный запах ударил в нос и заставил Марену улыбнуться. Да, славная смородина, не зря собирали!

– Монисто распадётся, камень останутся, – отозвалась Бажена. – В этой перемене нет ничего пугающего.

Да – если в самом монисте нет дыхания Жизни, в чём Марена не была уверена. Это ещё одна догадка, которой она не собиралась делиться с остальными. Ей не хотелось плодить слухи, к тому же оставалась надежда, что господарь вернётся. Не после Самхейна, так к Йолю, через другую–третью седмицу.

Она ждала и боялась, зная, что за сделанное её не похвалят. С этим Марена уже смирилась. Если в чародее осталась хоть капля человечности, он поймёт её. Сам ведь не раз твердил, что знания лишними не бывают.

Марена прикрыла глаза. Человеческая часть чувствовала запах хлеба и ягод, иная же – предвидела страшное время. Отчего–то казалось, что грядущая зима станет особенно лютой. Вокруг дома ходили иные. Они хотели тепла, их тепла, но не могли дотянуться. Ученики были отделены чёткой гранью, и она вводила иных в недоумение. Умертвия и неупокоённые духи никак не могли понять, почему у них не выходит зайти.

– Разожги огонь посильнее, Бажена, – чародейка выпрямилась. – У нас намечается и впрямь дикая ночь.

– Я бы достала ещё пряного вина, – Ядвига потянулась.

– С ума сошла? – Ярем скрестил руки. – Нам нельзя пить в Самхейн. Это люди от страха глаза заливают, чтоб ничего не видеть и не слышать.

– Если специй охота, – Бажена зевнула, – могу достать корзинку, побросаете себе в чашки.

– Добротная идея, – улыбнулась Марена. – Доставай!

Ученики оживились, и в кухне стало чуть теплее. Марена слушала рассказы об Охоте, иногда вспоминала что-то сама. С удивлением все заметили, что самое весёлое было связано с Лыцком.

– Вот ведь главная проказа, – Ярем покачал головой. – Удрал, шельмец, в самый разгар лихого времени!

– Этот молодчик и из мёртвой реки сухим выйдет, – усмехнулся Грицай.

– Ещё б ему не выйти, если с русалками спелся, – Ядвига поправила волосы. – Надеюсь, ему там хорошо чихается, в чаще-то.

Марена пила смородиновый чай и не могла скрывать усмешки. Она была уверена, что названный братец тоже вспоминает их добрым словом.

8.

Зулейка ощущала, как дрожала тонкая грань. Перед глазами всё чаще возникал окровавленный серп – символ Жат-

вы. Охотники закончили своё дело седмицу назад. Они покинули их края, улетев на багровой колеснице, запряжённой двенадцатью псами. Теперь на лунный свет выходили те, кто всё время прятался в тени.

Ветер сливался со звериным воем. Сухие листья кружились и перемешивались. Благо, костёр ещё не погас, но что-то ей подсказывало, что тусклое пламя не согреет их в эту ночь. Лыцко боялся, что тепло привлечёт мертвых. Зулейка тоже, но выбора не оставалось, разве что умереть от лютого холода.

– Когти, – она села поближе к огню. – Звери скребутся.

– И русалки поют, – Лыцку сейчас было не до веселья. – Аж заливаются.

Господарь учил их не бояться мёртвых. Он постоянно повторял, что бесплотные духи не сделают ничего дурного, если человек сам им этого не позволит. Зулейка верила его словам и постоянно напоминала себе, что ни одно мертвие не заденет её.

Но грань колебалась, и её душа дрожала вместе с ней. Среди мрака и холода свободно гуляли бледные тени. Они плыли, стараясь дотянуться до мёртвой земли и срастись с ней. Та не принимала их. Где-то вдали слышался скрежет. Когтистые лапы бежали, перепрыгивая через балки. Непонятно было – то ли заблудший волк искал себе пищу, то ли пробудился некто, жаждущий света и плоти. Неведомого зверья в чаще хватало. Зулейка знала, что здесь водились волки, ко-

торых не убить стальным оружием, а ещё совы с чёрными глазами и девы удивительной красоты, дочери Лешего.

Одна из таких сидела на ветке и с медовой улыбкой смотрела на Лыцка. Благо, тот знал, как надо с ними обращаться. Он вообще не беспокоился – ухмылялся в ответ, но не шёл ближе и следил за костром. Поняв, что манить парня бесполезно, лесная дева зашипела и исчезла, оставив после себя полоску тумана.

– Такая же русалка, – зевнул Лыцко, – только с ногами.

– И всё же жутко, – Зулейка вздохнула. Она предпочла бы не знать обитателей чащи и не ощущать, как иные приходят из мира нави, чтобы вдохнуть хоть каплю Жизни.

У ручья зажглось зеленоватое пламя и раздался хохот. Хранительницы вод выходили на лунный свет и с удовольствием нежились среди листвы и кустарников. Кто-то попытался подозвать к себе зверя – тот зарычал, прыгнул и пронёсся совсем рядом с ними.

– Мерзость, – Лыцко покачал головой и спрятал руки. Да, ему тоже хотелось ворожить. Лесной ветер словно просил их разложить у костра травы и сделать нечто дивное, притянув к себе зверьё и незримых гостей.

– Да, – согласилась Зулейка, мысленно возвращаясь в господарский дом. Чародей говорил им, что колдовские ночи как нельзя лучше подходят для сильных обрядов, но осилить такое может лишь человек с волей, ибо он может сколько угодно сопротивляться иным. Но даже Лыцко предпочёл не

искушать судьбу.

Желание ощутить в руках мягкую звериную шерсть усиливалось. Зулейка повторяла себе раз за разом, что это не её, что лихая ночь полна искушений и что господарь бы наверняка не одобрил. Да, она ушла из дома и ничуть не жалела, но голос чародея остался в ней и иногда звучал, наставляя и помогая делать самое тяжёлое. Сейчас она использовала его, чтобы не позволить себе пуститься в пляску вместе с иными. Она знала: пьянящий сок и хмельное веселье вынудят человека потеряться, а после он переступит через грань, заменяв собственный дух на одну счастливую ночь.

Рядом ухнул филин. Как будто в ответ. Зулейка не успела разглядеть глаз – птице пронеслась и исчезла в тумане и мраке. Это была не страшно – куда страшнее сила, которая скребла когти о землю, голодную и лишённую семян до самой весны. В Самхейн она хотела лишь одного – напиться крови и вобрать в себя побольше человеческого тепла. Зулейка и Лыцко не давали ей ни первого, ни второго, хотя оба чувствовали, насколько она голодна.

– Всё же мы с тобой не простые смертные, – он попытался подбодрить сестру. – Мы – чары, а значит, они нас не возьмут.

– Если мы сами им того не позволим, – Зулейка повторила одна из главных нравоучений господаря и усмехнулась сама себе: сбежала, называется. Вылетела за ворота, согласилась на выматывающую дорогу и неизвестность – и сама же вечно

возвращается в дом.

Холодная ночь растекалась медленно, как дёготь. Луна только начала подниматься, медленно плывя по небу. Рассвет придёт нескоро – а значит, нечисти хватит времени, чтобы вдоволь нагуляться. Зулейка тяжело вздохнула и прижалась к брату.

Бледные тени кружились, путаясь среди ветвей. Лыцко пытался закрывать глаза, но ветер, вой неведомого зверья и стоны заблудших душ вынуждали его всматриваться в темноту и подбрасывать сухие ветки в тлеющий огонёк. Что–то подсказывало Зулейке: единственным, кто насытится за эту ночь, будет их костёр.

9.

Голова шумела так, будто он всю ночь пил палёную воду. Лыцко морщился и не знал, то ли зарываться головой в утреннюю росу, то ли прижиматься к горячему пеплу и отогревать посиневшие костяшки пальцев. Им с Зулейкой посчастливилось уснуть в самый разгар колдовской ночи, и это то самое, о чём он будет рассказывать в старости. Потому что далеко не каждый путник спокойно просыпается в утро Самхейна, да ещё посреди непроглядного леса.

Лыцко вдохнул запах прелых листьев и поднялся на ноги. Зулейка умыла лицо росой. На её лице красовались два больших синяка – верный признак бессонницы.

– Ты как? – он обернулся. – Можешь идти?

– Пошли, – сестра отмахнулась. – Навий мир уже отпиро-

вал своё.

Видимо, её сильно перетрясло за ночь. Лыцко предпочёл бы не знать, что происходит с тонкой границей между миром и уж тем более не чувствовать, как Смерть проходит через врата и касается замёрзшей земли.

Они шли, и тропа потихоньку замыкалась, а деревья редели, становясь тоньше. Лыцко не спешил верить своему счастью, но догадки заставляли его ускорять шаг и почти бежать. Зулейка едва успевала, но не жаловалась. А лес всё редел и редел, всё тише раздавались звонкие голоса русалок, туман казался не таким серым, когтистые звери и вовсе остались далеко позади.

И этот бег, истощающий и без того уставших, того стоил! Когда Лыцко повернул, то едва не закричал от радости – тропка закончилась вместе с мрачными деревьями. Они пересекли колдовскую чашу и оказались перед выжженными полями Пустоши.

– Да! – он не выдержал и подпрыгнул. – О, это ведь не морок, верно?

– Нет, – Зулейка осмотрела бескрайнюю чернь. – Оно всё настоящее.

Им хватило одного дня и ночи – безумной, лихой, но проходящей. Пляска иных осталась позади, как и господарский дом, навязанные братья–сёстры. Они же вступали на дорогу жизни – извилистую, коварную, но такую желанную, что с каждым шагом дышалось свободнее.

Лыцко пошёл вперёд. Теперь уж точно не будет никакого чародея и ворожбы. Он верил в вольную степь, хороших коней и острую сталь. И даже волны живой воды не сравнятся с этим.

III. Семя и свечи

1.

Рассветные лучи застали Марену за господарским столом. Она смотрела на выведенные чернилами лики луны. Неудивительно, что чародей уделял особое внимание жатве – Луна–Охотница, она же Луна крови, требовала, чтобы каждый благодарил богов за добычу. Иначе зима будет лютой и голодной. Другое обличье – Луна прядильщица – оставалось неразгаданным. Марена снова взглянула на картинку: девушка в чёрном балахоне сидела у веретена и держала в своих руках моток нитей. Очевидно, что это была какая–то ворожба. Чародейка различала лишь название – остальные слова писались на языке западных земель. Очередная загадка, которую оставил господарь.

Марена спустилась по дубовой лестнице во двор. Утро после Самхейна отдавало первыми заморозками. На траве расцветал иней. Калина у колодца почти засохла, чего нельзя было сказать о кустарниках. Дикий виноград вился у окон кухни и переливался разными красками, от тёмно–зелёного до малинового. Ученики им редко пользовались, потому созревшие гроздья остались без внимания. До чего серой казалась чаща, которая возвышалась над воротами и манила к себе любопытных. Голые ветви деревьев заволокло пеленой тумана. Марена отметила, что завеса выглядит жутко. Неуди-

вительно, что место было домом для умертвий и неуспокоённых духов.

У ворот стрекотала сорока, рассказывая последние новости. Но что могла знать глупая птица? Для неё главное – что хищное зверье заснуло или готовилось заснуть.

– Дивно–дивно, – вещала она. – Чародейское отродье в чашу подалось, дивно–дивно!

– И что же они там делали? – с интересом спросила Марена, надеясь узнать что–то о Зулейке и Лыске.

– Над русалками посмеялись, – буркнула птица. – Все лоушки обошли и почти выходили. Дивно–то как!

Значит, им повезло. Господарь и впрямь покинул их, решив, что отныне каждый ученик сам распоряжается своей судьбой. Иного объяснения Марена найти не могла. Она... Могла пойти куда угодно, выбрать любую из троп – но на плечи валилось слишком много груза, и он тянул её в чародейскую спальню, к запискам чародея и книгам, где хватало неведомого и дикого. Ей предстояло многое узнать о господаре.

А ещё морозный ветер говорил Марене, что стоило бы озаботиться обычными делами. Подготовить запас свеч, узнать, будет ли к ним приезжать повозка с запасами, заварить чаю с красной смородиной и спуститься в погреб, чтобы проверить зелья и травяные настои. Между всем этим ещё хотелось бы размять руки, и не только их. Марена хотела бы обернуться птицей и сделать круг–другой над домом. Ина-

че утонет в бумагах, совсем забыв заклинания и извилистый язык ветра.

Глубоко вдохнув морозный воздух, она улыбнулась и пошла на кухню. Им всем предстояла кропотливая работа, особенно – Грицаю и Лешку. Сегодня настал их черёд стряпать. Благо, они хорошо варили мясную похлёбку, поэтому чародейка могла понадеяться на вкусный и сытный обед. А вот ягодный чай придётся заваривать самой – у Грицая он всегда выходил горьковатый, хоть три ложки мёда в него клади.

Лешко окинул её хмурым взглядом и покачал головой. Он облетал вороном вокруг дома и не увидел ничего хорошего – туманная завеса вокруг леса стала ещё гуще, словно хозяйева чащи не хотели выпускать чародейских учеников в мир. Недаром ночью волки выли громче, а неуспокоённые духи топтались у ворот. Но Марена твёрдо верила: вся сила и все разгадки находились в самом доме, и бежать из него не надо было.

Далеко не все придерживались того же, и подтверждением тому стала Ядвига, которая выпросила у Грицая ягод и, попросившись, накинула утеплённый плащ. На её поясе можно было заметить охапки трав и пару багряных свеч. Предусмотрительное решение – все знали, что мелкая нечисть боится чародейской силы. Марену изнутри грызло чувство, что уходящие делают неправильный выбор и что им никак нельзя покидать избу. Говорить об этом Ядвиге было бесполезно, ещё бесполезнее – Зулейке и Лыцку. Пришлось промолчать.

Вместо этого юная чародейка наскоро похлебала суп, закусила коркой тёплого хлеба и, не забыв поблагодарить Грицая и Лешка, поднялась по тяжёлой деревянной лестнице. После Самхейна дни становятся короче, а ночи – длиннее. Это означало, что ей понадобится больше свечей. И вставать придётся раньше. Она должна проводить улетающих птиц в долгий путь и призвать силы ветра, чтобы те встали на её защиту и помогли укрыться от Морозной Матери до самого Бэлтейна.

Ей предстояла долгая и тяжёлая работа. Чем больше Марена в неё погружалась, тем сильнее понимала, отчего их учитель вечно ходил хмурым и раздавал подзатыльники вместо похвалы.

2.

Зулейка не помнила этой тропы. Ей казалось, что они уже вышли к Пустоши, но нет – впереди раскинулся осенний лес, он же и манил её к себе поближе. И Зулейка шла, не зная иной дороги. Она попыталась окликнуть Лыцка, но крик растворился в морозном воздухе, как будто что-то поглотило его. Эта сторона чащи была удивительно похожа на мир иных – море красок, затянутое туманом и отдающее мхом, казалось слишком притягивающим. Оно зазывало её, заставляло ступать быстрее, почти бежать, забираясь всё гуще и гуще, пока перед глазами не предстало Сердце.

Огромные корни потянулись к ней. Древесные нитки на-

чали вцепливаться в ноги и руки. Зулейка кричала, но лес поглощал звуки, как и прежде. Он с жадностью забирал её жизнь, обнимая сухими корневищами и затягивая в тёмную морозную глубину.

Проснувшись от собственного крика, Зулейка испуганно осмотрелась. Дикая и туманная чаща стояла за спиной. Они с Лыцком уснули посреди Пустоши. Оба никак не могли провалиться в сон – вокруг всё выло и стонало. Когда добрались до выжженной земли, достаточно было хорошо отогреться и поесть. А после их сморило. Но выспаться не удалось – Лыцко с уставшим видом протирал глаза и хмуро смотрел на Зулейку.

– Ты тоже видел? – она перевела дух. – Там было нечто. Ужасное и жуткое.

– Скорее жадное, – отмахнулся парень. – Оно хотело съесть меня. Не самая лучшая участь.

– Ни за что не вернусь туда, – её передёрнуло. – Нам нельзя возвращаться в дом.

– Ещё бы, – хмыкнул Лыцко. – И непонятно, что хуже: странная жуть с корнями или злющий чародей.

Зулейке не хотелось знать ни того, ни другого. Она начала быстро собираться. Башмаки, плащ, мешочек с едой, водой и травами – больше ничего и не было. Лыцко убедился, что костёр полностью погас, и пошёл вперёд. Остаться посреди неизведанных земель они не собирались, да и не всякий раз удастся согреться – на Пустоши почти не росло деревьев. Не

было веток для хорошего костра. В этот раз повезло, потому что недалеко отошли от чащи. Как будет в следующий – кто знает.

Они шли по холодной чёрной земле, которую долго не вспахивали и в которую давно не сажали семян. По поверьям, она принадлежала самой Смерти, как и всякая Жизнь, прошедшая через пламя. Здесь не росли хорошие травы и сюда же ходили ворожить те, кто желал навести дурное, будь то порча или проклятие. Чародей говорил им, что на Пустоши хорошо творить чёрные дела. Худшее, что можно было сделать – рассыпать очищающую соль. Навий мир ненавидел её, и Смерть с отвращением отворачивалась от сверкающих кристалликов. Она могла ответить на подобный жест худшим.

Поэтому Зулейка и Лыцко решили готовить еду без соли, а остатки сушёного хлеба запихивать в рот полностью, чтобы не проронить ни крошки на землю. Им не хотелось злить хозяйку, скорее наоборот – они были бы рады как можно скорее пройти через Пустошь и войти в людской мир.

Лыцко уже предвкушал, мечтая о славе, пенных напитках и девицах, которые будут с интересом расспрашивать его о жизни в господарском доме. Зулейке отчего-то казалось, что он ошибается, хотя она надеялась примкнуть к степным племенам и стать частью... Людей, живых и самых обычных. Ей очень хотелось снова услышать звонкие песни, звуки молотов, бьющих по железу, хохот и крики. Много криков, опо-

вещающих окружающий мир.

Чародей учил их молчать о важном и не только. Порой в доме было настолько тихо, что Зулейка слышала, как где-то в углу скреблась мышь. Эта тишина тонким серпом резала уши и заставляла бояться, нервно оглядываясь каждый миг. В деревне, где росла Зулейка, всё было наоборот: постоянный шум сопровождал Жизнь повсюду. С криком рождались младенцы, с хохотом веселились дети, с песнями жали пшеницу и выпекали горячий хлеб.

От чаши веяло тишиной. Зулейка чувствовала дыхание леса и оборачивалась. Туман, застилавший кровавые листья, словно становился гуще. Деревья замирали. Они не могли дотянуться до её ног и им не суждено достать её. Оттого мир нави колыбался в волнении. Зулейка чувствовала, как древесные девы и русалки тревожно мечутся, как Леший успокаивает свой народ и как нечто наступает из глубин и рвётся наружу, вбирая в себя всё живое. Оно пока ещё не могло себя защитить – Зулейка ощущала зародыша и понимала: надо шагать быстрее, иначе у них ничего не получится. Горе Марене, Ядвиге и остальным. Возвращаться за ними Зулейка не собиралась, как бы сильно ни давило чувство вины. Страх делал своё дело и гнал её по морозной почве.

3.

Лыцко давно мечтал о невероятном подвиге, но никогда не думал, что будет бежать от опасности и клясться, что ни за что не вернётся. Так поступают или трусы, или те, кто впер-

вые столкнулся с малознакомым, но лихим. Он не хотел ступать ближе – сна было вполне достаточно, чтобы поверить: нечто начало пробуждаться после Самхейна. Оно наверняка накапливает силы, чтобы восстать и проглотить всё вокруг. Возможно, скоро и леса самого не будет. Лыцко не знал, чего оно захочет, и не хотел знать.

Как же он радовался, когда они вышли из леса! Тогда ещё он не понимал, насколько им повезло. Возможно, потому и улетел чародей. Сразу понял, что ждёт его дом. Лыцко усмехнулся: а что, если господарь оставил их как откуп? Решил отдать малое, чтобы спасти собственную жизнь. Потому и исчез, ничего не сказав.

Их господарь никогда не отличался благородством и добротой. Он мог накричать, заставить заниматься день и ночь, проскрежетать зубами или заставить их замолчать одним взглядом. Лыцко не ожидал от чародея ничего хорошего и не удивился бы, если бы тот перепродал их кому-то или чему-то. В конце концов, их тоже продали.

И тем лучше, что это всё осталось позади. Ему не хотелось возвращаться к навязанным братьям и сёстрам и заниматься тем, чем велено. Лыцко совсем скоро встретится с Жизнью – там его ждёт и славный топор, и статный конь, и ещё много всего. Осталась самая малость – бескрайняя Пустошь. Зря зывали к нему русалки, умоляя уберечь их от лихой силы. Он не внимал их крикам, хотя отчётливо слышал, как бьётся чаща. Нет, Лыцко не станет прислушиваться к колдовской

силе, ему нет до неё дела и не будет больше.

Неважно, что над головой вьются вороны и что он иногда понимает их слова. Если понадобится, Лыцко прикинётся слепым, немым и глухим, лишь бы разорвать нитку, сотканную чародеем. Это был не его выбор и не ему суждено шагать по пути говорящего с водами.

– Только представь, – мечтательно произнёс он, – больше никаких наговоров, разговоров с иными и подготовки к праздникам.

– Людские законы не так просты, – отозвалась Зулейка. – Боюсь, мне придётся многое вспоминать из того, что было забыто.

– Пусть так, – согласился Лыцко. – Но это ведь хорошо, что придётся.

Он бодро зашагал вперёд, будто учуял: его примут, пусть не сразу. Лыцку придётся не раз показать зубы, возможно, немного подворожить и использовать чародейскую силу, но лишь самую малость. В господарском доме ему удалось узнать много того, за что обычный человек может дорого заплатить. Колдунство, хоть и отличало их с Зулейкой, не было зазорным, лишь бы только не им одним дышалось.

Лыцко вдохнул морозный воздух и улыбнулся. Уж ему-то не сплеховать – скоро будет скакать по степи на лихом коне да с саблей наперевес, и не русалки будут смотреть на него жадными взглядами, а самые обычные девки, румяные и полные сил. Зулейка и Марена – Лыцко понимал это уже

давно – не были такими. Чародейская сила выпивала Жизнь и впивалась в кожу змеёй, а после срасталась с костями. Оттого от Марены, Зулейки, Ядвиги и даже приветливой Баже-ны несло за версту чем–то мёртвым, мшистым и травяным. Тайные познания делали их кожу бледнее, а глаза – ярче. Если правильно разглядеть, то можно было увидеть, что это и не девки вовсе, а тени с горящими искрами внутри. И сразу становилось видно: не суждено им рожать воинов и сплетать песни у колыбельной, нет. Потому Лыцко никогда не засматривался на названных сестёр. А может, то была воля чародея, которая впиталась в него настолько глубоко, что он сам не заметил.

Себя Лыцко считал живее остальных. Пламя, бурлящее внутри, не давало ему покоя и сохраняло в нём что–то человеческое. Оно же гнало его прочь из чащи и кричало: «Не слушай чародея, врёт старик!» Думалось ему, что это и есть воля. Она заставляла Лыцка с упоением ощущать вкус свободы и бежать, несмотря на усталость.

Воля – чудодейственная и прекрасная сила, которую он увидел только сейчас. Отныне он был сам по себе, и ничего прекраснее Лыцко не чувствовал, кажется, с рождения. Вы-женная земля мягко ложилась под ноги, словно все боги мира благоволили ему. Лыцко мчался и время от времени оглядывался на туманный лес – тот отдалялся с каждым разом, что не могло не радовать.

Дурно спалось княжне Ольшанке в последнее время. Недаром она не хотела покидать отчий дом раньше времени и отправляться к наречённому Юркешу. Молодому княжичу не было дела до своей невесты – он всё скакал по полям и перелескам с верными псами и соколами, бился с топором и ножичком в руке потехи ради и много часов проводил рядом со своим отцом, стареющим князем.

Ольшанке же нравилось вязать. Нити стлались и переплетались в пальцах, складываясь в рисунки. Всего за одно лето ей удалось сделать добротную накидку для молодого княжича, золото–винную, с соколом в самой серединке. Юркеш прислал ей взамен шкатулку самоцветов, а накидку так и не надел ни разу.

Время текло рекой, Ольшанка грустнела. Кому тут нужна чужеземка? Даже служанки – и те шептались за спиной, кривили губы и качали головами. Не от хорошего житья она стала прибегать к ворожбе – и та показывала ей многое. Сквозь стеклянную гладь княжна видела, как светятся глаза Юркеша, когда он читает и пишет письма. Так Ольшанка узнала секрет своего наречённого, о котором догадывались, разве что, близкие друзья.

Полюбилась Юркешу ведьма из дикой чащобы – места, богами и людьми забытого. Лесовик, с которым Ольшанке кое–как удалось переговорить, скривился и признался, что на княжиче уже давно лежит древний приворот. Закружила деревенская девица молодую голову, да так, что не распу-

таешь узлы. Неудивительно, что Юркеш не смотрел на Ольшанку, а после Самхейна и вовсе переменялся, стал угрюмым и грубым.

Не хотелось чужеземной княжне уступать какой-то ведьме без роду и племени. Но ворожить надо было с толком, иначе можно было загубить обе души – и свою, и княжича. К первой бабке ходить нельзя – пришлось пустить слух, будто хочет она новые румяна, чтоб лицо сияло, как наливное яблоко, и пусть лучшие чародеи приходят, собираются и творят. Кроме них, никто тут не справится.

На Ольшанку смотрели ещё кривее, но махнули рукой, мол, что взять с капризной княжны, привыкла купаться в золоте и пахучих мазях. Никому даже в голову не пришло, что вечно тихая Ольшанка может что-то замышлять. Очевидно, что всерьёз её не сильно воспринимали.

Пока чародеи стекались к терему, стоящему прямиком посреди степей, Ольшанка думала и не прекращала следить за Юркешем. Наконец, тот признался ей, что старый князь заболел, а Ягрэн, изгнанный братец, начал созывать войска. Не хотел последний, чтобы степное княжество отошло младшему.

Ольшанка в этом его поддерживала, хоть и не знала, за что князь изгнал Ягрэна. Слухи ходили разные: злые языки болтали, будто Ягрэн никогда не слушался отца и рос скудомным мальчишкой, наравне бегал с мавками, знавал полуденниц по именам и приглашал за стол лесовиков и прочую

нечисть. В общем, путался с лихой силой и всегда спорил со старым князем. Вот и не выдержало отцовское сердце – прогнал он Ягрэна и сделал наследником Юркеша. Только Ольшанке казалось, что оба сына запутались, как в паутине, и не знают, как из неё выбраться.

Княжна погладила пшеничную косу и поправила яркий кокошник. Ей было всё равно, за кого идти, лишь бы княжество процветало и князь не глазел на других девиц. Ягрэна она никогда не видела, но не всё ли равно? Юркеш статен, да душой мал, иначе не позволил бы себя околдовать вот так просто.

Каждый день Ольшанка принимала у себя чародеев и ворожей. Одних в лохмотьях, других в парче, третьих – в плащах из неведомой ткани. И с тех пор ей начала сниться жуть, будто что-то зарождается в лихой чаще и вот-вот норовит перешагнуть сквозь Пустошь, а княжество полыхает пламенем. И лежит её княжич со стрелой в спине, а сверху кружит вороньё.

Сны Ольшанка не рассказывала никому – слишком боялась, что правдивой окажутся видения. Потому на всякий случай написала письмо отцу. Пусть знает, какое безумие творится рядом с молодым княжичем и держит уши востро. В конце концов, она может и вовсе не стать княгиней, но остаться богатой княжной при отце, возжелавшем соединить земли не крепким союзом, а войной.

Марена утепляла господарскую спальню и запасалась свечами, не обращая внимания на спящих братьев и сестру. Одни они остались с Баженой, это правда, но унывать было некогда. Юная чародейка подошла к окну – там кричали улетающие птицы. Вслед за взрослыми пернатыми увязывались совсем молодые. Иной раз Марена махнула бы рукой и сказала, что после Самхейна чашу покидают все, кто не может пережить встречи с Морозной Матерью, но не в этот раз.

Рёбра терзало дурное и страшное чувство. И господарь не желал возвращаться – значит, наверняка что-то знал. Она тяжело вздохнула и снова закопалась в исписанные чернилами листы. Где-то в них находятся ответы. Пока что Марена узнала, как правильно создавать багряные свечи, прогонять чёрную хворь и где искать самых сильных нечестивцев. Не самое полезное, но пригодиться могло. Впрочем, она верила, что среди господарских книг не нашлось бы такой, которая ничему не могла научить.

Непонятный морок сгущался, словно воздух вокруг наливался тяжёлым железом. Отчего-то в её голове всплывал Юркеш. Молодой княжич вспоминался Марене чаще обычного. Возможно, потому, что от него не было писем. А может, посланец заплутал среди диких троп? Нет, вряд ли – Юркеш писал ей долго, с того момента, как она вошла в господарский дом. Марена знала, что никуда он от неё не денется, ибо колдовские чары держат крепче стальных пут. С малолетства она понимала, что не будет дела молодому кня-

жичу до незрелой деревенской девки, а если приворожить крепко–накрепко, то уже ничего им не помешает, даже чародей. Не благородство Юркеша было причиной его верности – одна лишь ворожба, и Марену это устраивало. Без чар он бы даже не взглянул на неё. Не зря в деревнях говорили, что молодые княжичи подобны вольным ветрам.

Марена вспомнила о своём ремесле и усмехнулась: вот она, птичница и чаровница неуловимых крыльев. Оставалось учиться дальше. Чародейка зажгла багряную свечу, без страха и трепета погрузилась в рукописи, жадно поглощая каждую строчку. Господарь рассказывал об обрядах, удачных и не очень. Когда–то он чуть не лишился глаз, попытавшись призвать дочь Водяного прямиком к себе в спальню. Опрометчивый поступок, но толк с него был.

На другой странице он рассказывал о Малахитовых горах, где всё дышало колдовством, вольно гуляли мавки, веселились русалки у рек, иногда выходя к местным. В тех лесах росли крупные ягоды, размером с кулак, моря целебных трав, а по осени – огромные грибы. Чудно было там, но господарь задерживаться долго не стал. Судя по его рассказу, он пересёк границу западных земель и ушёл поближе к степи. Какое–то время ходил среди кочевников и смотрел, как одно племя бьётся с другим, а третье и четвёртое постепенно превращаются в два княжества.

– Интересно, сколько ему лет? – Марена взглянула на пылающую свечу. Мог ли он прожить несколько столетий? Она

допускала, что да, но какую цену пришлось бы заплатить за это? О том, что всё чародейство держится на равновесии, господарь им говорил постоянно, словно пытался вбить это в их головы. Если где-то прибыло – значит, где-то убыло. Иначе быть не могло.

Шум снизу заставил её оторваться. Марена тут же взяла в руки свечу и спешно покинула господарскую комнату, даже не удосужившись положить рукопись на место. Она знала, что чародея не будет ещё очень долго.

– Повозка! – на неё чуть ли не прыгнула сияющая Бажена. – Повозка с едой приехала!

Марена улыбнулась и сама побежала к воротам. Старый возница, служивший господарю дольше их, мог знать о многом – не зря ведь ездил тайными тропинками. И Марена тоже узнает, не будь она птичницей.

6.

Лыцко упрямо пытался разжечь костёр, состязаясь с холодным ветром. Им удалось раздобыть немного сухих веток и травы, дело оставалось за малым. Но искра отказывалась проскакать. Зулейка ласково улыбнулась и дотронулась до палки ладонью.

– Загорелось! – не без восхищения воскликнул он. – Спасибо.

– Пожалуйста, – она как будто порозовела.

Да, стоило им отойти от надоевшего леса, как Зулейка расцвела. Лыцко тоже чувствовал себя лучше, словно прокля-

тые деревья выпивали из людских детей немало сил. Прошёл уже целый день с тех пор, как Зулейка и Лыцко ступили на земли Пустоши, но та не спешила заканчиваться. Жаль, что с ними не было того, кто мог заколдовывать тропы и связывать перекрёстки с друг другом. Это ремесло немного поддавалось Лешку–перевёртышу. Он остался в доме, как и все остальные.

– Что вообще сейчас в мире нави творится? – Лыцко взглянул на сестру с беспокойством и интересом.

– Чудное что–то, – Зулейка пожала плечами. – Не могу я разобрать, но там как будто что–то всколыхнуло его. Не знаю. И не хочу знать.

Они варили пшеничную кашу на костре и впервые были спокойны. Солнце клонилось к закату. Здесь, посреди чёрного поля, было видно всё, что происходит на небе. Лыцко временами шурился, но всё же улыбался. И каша казалась ему вкуснее обычного, намного лучше, чем там, в богами забытом тереме, пусть местами подгоревшая, недоваренная, но горячая и отдающая свободой.

Сам он мечтал о том, как будет летать соколом среди степных княжеств и племён, красоваться на ладном коне и покупать лучшие смарагдовые ожерелья для Зулейки. А Зулейка... Лыцко не знал, что выберет она, но, думалось ему, девка не пропадёт. Если у неё хватило храбрости и сил выбраться из чародейской чаши – значит, не сгинет в каком–нибудь болотце и уж точно не даст себя в обиду.

Её вера, подогреваемая годами, рухнула в одночасье, и Зулейка попрощалась с ней легче, чем представлялось Лыцку. За ней никто не вернётся, да уже и не надо. Теперь их печали были позади. Воля растекалась в крови, заставляла улыбаться и спокойно отдыхать. Как только боль в ногах стихнет, они пойдут дальше. Рано или поздно покажется степь. А там и люди.

– А ты уже думала, как оно будет? – он неожиданно спросил Зулейку.

– Я не знаю, – названная сестрица склонила голову. – Не знаю, Лыцко, но знаю, что хуже не будет.

И в этом она была права. Хуже быть не могло – только лучше. Они молодые, сильные, знающие много тайного и умеющие ходить по неведомым людям тропам. Это стоило немалого. Ни одна русалка не зачарует Лыцка, а за хорошую плату могла и услужить. Зулейка была вхожей в навий мир, хоть и боялась его сильнее всех остальных. Обычные девки многое отдали бы ей за некоторые знания и секреты. Но станет ли Зулейка брать с людей плату за свои знания? Станет ли она вообще ворожить?

Нет, не для того они сбежали из господарского дома. Ворожба почти слилась с их кровью и статью и от неё не отделаться. Придётся прибегать к ней время от времени, хитрить и плутовать, чтобы не только не погибнуть, но и нажить себе доброе имя и крепкого коня. Жить ради неё и прославлять чародейское ремесло Лыцко не собирался.

Наставала ночь и Морозная Мать подкрадывалась поближе. Золотая колесница Осени, запряжённая гончими псами, унеслась вдаль, аж за Малахитовые горы. На смену ей летело нечто иное – седая и лютая Зима, которая заключала в гробницы снега леса и степи. Лыцко не любил Морозную Мать, хоть и знал, что без её прихода не настанет тёплого времени, не оттают льды через двенадцать седмиц, не расцветут первые цветы. Мёртвое время казалось для него жутким, не зря всякая скотина впадала в сон, а птицы улетали в южные края. Находились и такие чародеи, чья ворожба крепла в это время. И Зулейка была одной из них – навий мир с приходом Морозной Матери, наоборот, оживал и с двойной силой принимался за свою работу.

О её плодах Лыцко предпочёл не думать. Он подкинул немного трав в угасающее пламя и позволил себе полностью расслабиться и провалиться в сон.

7.

Возница пытливо смотрел на Марену, и от его взгляда та хотела провалиться сквозь землю. Сама она не верила ни письму, ни переданному на словах – уж слишком невероятным казалось, что молодой княжич зовёт её к себе, умоляет всеми богами покинуть господарский дом и явиться в его терем.

Марена стояла у ворот и барабанила пальцами по срубам, не зная, как ей быть. Господаревы записи не были прочитаны до конца, да и сам чародей мог вернуться в любой момент, и

тогда его расправа будет жестокой. Старик наверняка сживёт молодого княжича со свету. От этой мысли сердце Марены вспыхнуло. Но соблазн был слишком велик. Марена долго думала, застыв, словно камень. В её глазах то и дело вспыхивали огоньки. Тяжёлым был выбор.

– Хорошо, – она кивнула вознице. – Я поеду с тобой. Пождёшь меня, пока вещи захвачу?

Тот кивнул и усмехнулся. Улыбка показалась ей невесёлой, но что решено, то решено. Марена тут же метнулась в избу. Она уже знала, что возьмёт господареву книгу на западном языке, ещё несколько рукописей, охапки трав, багряные свечи и, конечно же, птичьи перья с мешочком камней. Благо, это всё легко помещалось в котомку.

Её беготня не осталась незамеченной – Лешко, Грицай и Бажена вышли во двор и удивлённо смотрели, как Марена укладывает самое дорогое и собирается в дальнюю дорогу. Ещё бы: самая послушная ученица чародея – и та бежит впопыхах, будто боится неведомого зверя или только и ждала случая. Страшен будет господарев гнев, и не сносить им с Юркешем голов, но пусть так. Марена преданно служила ему и продолжила бы, если бы он не исчез невесть куда, не оставив даже нескольких строк.

– На вот, – Бажена протянула ей испечённый хлеб и мешочек с зерном. – Пригодится в дороге–то.

– Благодарю тебя, – она обвела всех троих взглядом. – Я обязательно вернусь. Не оставлю вас тут надолго. Передайте

господарю, если прилетит раньше, пусть не злится на меня.

Глупые слова. Чародей будет в ярости. Марена посмотрела в глаза Грицаю – тот оставался невозмутимым. Значит, ничего страшного в будущем не было. Может, и обойдётся.

– Постараемся, – отозвался Лешко.

– Скоро свидимся, – она обернулась и улыбнулась напоследок. – Обязательно свидимся, братья и сестра!

Марена выбежала за ворота, где её ждали. Стоило ей запрыгнуть в повозку, как лошадь тут же тронулась с места. Их понесло по неведомой тропе сквозь воющий лес. Здесь слилось всё: волчьи оскалы, лица лесавок, запахи мха, ели и можжевельника. Где-то поблизости мелькнул звонкий ручей. Марена почти ощутила вкус холодной свежей воды. Под колёсами шуршали сухие листья – ковёр вился и мягко растилался под ними. Но чаща не спешила заканчиваться. Возница гнал и гнал, тропка словно хохотала, заставляя их поворачивать раз за разом.

– Не переживай, красавица, – он посмотрел на Марену – Не успеешь глазом моргнуть, как будем у перелеска, а там и степь недалеко.

Марена обернулась назад и не увидела знакомых ворот, словно сам лес закрыл их. Деревья сошлись, оставив вокруг царство иных. Люди не ступали в чащу, и правильно делали. Лесовые не любили, когда кто-то тревожил их покой. Они могли закружить, а могли позвать с собой на пир и угостить незнакомцев. Только не знали последние, что отведавший

угощения сам становится слугой Лешего, превращаясь в лешачонка или его подобие. Сама Марена редко ступала за ворота. Она не знала, какой договор был у чародея с Лешим, но их не трогали. Даже сбежавшего Лыцка, хотя тогда его заставили долго побродить, чтобы впредь не хотелось покидать избу.

8.

Перед Зулейкой не было зарождающегося чудовища – она оказалась в княжьем тереме. Но любоваться расписными рисунками тоже не хотелось – её понесло дальше, к пирующим. На лицах людей была написана радость, но Зулейка видела иное: их поедали. Чёрные твари прилепились к их душам, вынуждая поглощать всё больше. Больше еды, вина, денег, самоцветов. Так хмельной пир перерос в побоище. Молодые княжичи начали рубить друг друга, не особо разбираясь, кто кому приходился братом–сватом. Каждый хотел одного – усесться на главном стуле и править степным княжеством, ведя свои дела с соседями. Чёрные твари ликовали, а затем понесли их души в лесную чащу. Зулейка сразу поняла: они подкармливали то, что рождалось там. Особенно ей запомнился красивый и статный княжич, который бился сильнее и яростнее остальных. Тёмные кудри и хищный проблеск глаз запал в девичью душу и заставил её трепетать от страха. Жуткий это, стало быть, человек, жуткий и гнилой от плоти до духа.

Когда Зулейка проснулась, то увидела, как Лыцко перепо-

варивается с кем–то. Солнце едва–едва всходило, в шаге от них дотлевал ещё тёплый пепел.

– Я Яремче, – незнакомец развернулся к ней, – слуга княжича Ягрэна, будущего князя этих земель.

– Земли Пустоши никому не принадлежат, – напомнил Лыцко. – Так повелось с древних времён.

– Я не буду спорить, – отозвался тот. – Ягрэн скоро станет князем, он и решит, что как будет.

Зулейка протёрла глаза и внимательнее рассмотрела незнакомца. Лук, колчан со стальными стрелами, кинжал, багряный пояс, рубаха и потёртые штаны. Видно, не самым богатым княжичем был этот Ягрэн – иной бы разрядил своих слуг покраше. Или они встретили далеко не приближённого. Озвучивать свои догадки она, конечно же, не стала.

– Мы пришли издалека, – начал Лыцко. – Из земель, что находятся за колдовским лесом.

– Вы пересекли чащу? – изумился Яремче. – Неужели не слышали о чародее?

– Слышали, – на губах брата выступила самодовольная усмешка. – Он нас пропустил.

– Ну дела, – тот хмыкнул. – И впрямь дивное нынче творится.

– А что ещё творится–то? – спросила Зулейка.

– Да разное, – Яремче махнул рукой. – Вот как придём поближе к людям, сами узнаете. Вдали от дома болтать не стану. Сами–то вы кто такие?

– Дом наш сторел, – нашёлся Лыцко. – В деревне делать было нечего, решили податься в другое место, других посмотреть, себя показать. Меня ты уже знаешь, а сестру мою Зулейкой звать.

– Страшное время, ты прав, Яремче, – ответила Зулейка. – А как тебя занесло на Пустошь?

– Дык это, – Яремче посмотрел вдаль, – кривотолки пошли, словно в лихом лесу неладно что–то. Князь Ягрэн попросил меня сходить, разузнать да посмотреть, не изменилось ли что.

Лыцко и Зулейка многозначительно переглянулись.

– Дурной лес, да, – согласился брат. – Но мы, как видишь, живы остались, пусть еле ноги унесли.

– Вот и оно, – кивнул Яремче и продолжил шёпотом. – Лихо там крепчает, все чувствуют. Чуют, да говорить вслух боятся.

Зулейка нахмурилась. Значит, и впрямь зреет злое семя, только кто его остановит? Одно лишь радовало – если Яремче добрался до них, значит, и они скоро доберутся к людям, а там и виднее станет. В господарском доме им делать нечего, а в Пустоши оставаться нельзя было.

Навий мир шептал об одном: бежать подальше от чащи, греться у костров или в тёплой избе и встречать зиму рядом с живыми. Может, и лихо их стороной обойдёт, кто знает. С тем, что затаилось глубоко внутри леса, под корнями деревьев, Зулейка не хотела иметь ничего общего. Следовало бы

оповестить остальных, только как? Назад она не повернёт. С другой стороны, они неглупы, могли догадаться сами. А если нет?

Как только они с Лыцком найдут пристанище, Зулейка обязательно отправит в господарский дом весточку через духов. Обращаться к служителям нави ей, простой смертной, не следовало бы, но пусть будет так, хотя бы для очистки совести.

Яремче пах потом, сталью и хлебом, и тут–то до Зулейки дошло: вот он, первый встреченный ими человек, из плоти и тёплой крови. Этот незнакомец показался ей таким живым, что чародейка едва не кинулась к нему в объятия. Яремче шёл по морозной и чёрной земле, и Зулейка поневоле залюбовалась им. Да, он некрасив, вряд ли богат, но он всё–таки самый настоящий человек, и это уже многое значило.

– Совсем одичала, сестрица, – тихо цокнул Лыцко. – Будут ещё люди, и немало.

Зулейка улыбнулась, прогнав из головы мрачный сон. Люди – это тепло. Пусть перемешанное с ложью и дёгтем, но всё же тепло, И Жизнь. В разы лучше, чем цепкие руки Морозной Матери и неживой взгляд старого чародея. Прав был Лыцко: мрачные времена остались позади, как и лес с его тайнами и семенем под тяжёлыми корневищами. Впереди у них – вольная степь с кочевниками и княжествами. И в этот мир они пришли сами, на собственных ногах, без всякой чародейской силы.

IV. Ворожба на мёде и крови

1.

Огарок догорал, оставляя после себя капли воска. Ольшанка умыла лицо колодезной водой и прогнала служанку. Пусть говорили о ней недоброе и наговорят ещё много, только Юркеш не лучше. Уже два дня прошло с тех пор, как он привёл в княжеский терем ворожею со страшными болотными глазами. Она словно дразнила Ольшанку злорадной усмешкой, а вместо ярких камней вплетала в волосы птичьи перья. Не нравилось это ни молодой княжне, ни слугам, ни советникам старого князя. Хуже ли безродная дикарка чужеземки? Ольшанка не знала ответа, но на сердце лежала тяжесть. Горечь и обида глодали её тело изнутри.

Не будет этой девки рядом с Юркешем! Сгинет в чародейском пламени, хоть вместе с наречённым, хоть одна. Ольшанка сделала всё так, как ей велели: вышла из терема в полночь и прокралась к ближайшему перекрёстку со свечой в руке. Полевые колосья шумели, морозный ветер охлаждал кожу. Страшно было княжне. И неудобно в одной нательной рубашке. Вдруг увидит кто? Стыда не оберёшься. Впрочем, с ворожбой шутки плохи: кто знает, что было бы, если бы Ольшанка нарушила указания старой ворожеи.

Она встала посреди перекрёстка, прижала пылающую свечу поближе и принялась нашептывать:

– Вы, бродящие повсюду, заберите Марену–птичницу из княжьего терема, наденьте ей мешок на голову, и пусть катится по всем дорогам, да покоя себе не найдёт. Пусть будет так, и только так. Истинно! – одним движением Ольшанка погасила свечу и поставила на дорогу котомку со снедью.

Ворожея говорила: угощение должно быть щедрым, от сердца. Молодая княжна постаралась на славу – в котомке были куски мяса, квас, хлеб, наливные яблоки и стакан сладкого мёда. Оставив подношение, Ольшанка побрела обратно к терему, не оглядываясь и не разбирая дороги. Сердце колотилось, кожа заледенела. Она была сама не своя то ли от страха, то ли от осознания, что пришлось прикоснуться–таки к миру иных.

Ольшанка не помнила, как добралась до своих покоев, накинула одеяло и уснула. Последующие три дня она провела в бреду. Княжну знобило, холод вился по телу, а перед глазами всплывал то Юркеш, то безродная девка, то страшные и неведомые лица. Её наречённый так и не заглянул к ней – лишь присылал пару раз слугу, чтобы узнать о здоровье. Не было Юркешу дела до неё, и это продолжало колоть Ольшанку.

Зато нашёлся и ещё кое–кто. Сокол Ягрэна влетел к ней напрямиком в светлицу, распугав служанок. Второй княжич выражал ей почтение, а ещё писал, что волнуется о ней и спрашивал, не нужна ли помощь. Ягрэна Ольшанка не знала, слышала кривотолки. Она откинула липкую прядь и села в

постели. Сокол смотрел на неё прищуренными глазами.

– Спасибо, – княжна, кажется, впервые улыбнулась. Вышло слабо. – Я не забуду.

Она обязательно напишет Ягрэну, как только спадёт жар, а после проведает Юркеша и напомнит ему, что он всё ещё её наречённый. Если, конечно, он останется жив.

2.

Страшную женщину видела Зулейка во сне. Красивую, с пшеничными локонами, белолицую и богатую. Но глаза её сверкали болью и злобой, а на сердце лежала большая печаль. Ясноокая и молодая, она ворожила на перекрёстке, призывая жуткие силы, чтобы сгубить свою соперницу. Именно Зулейка не расслышала, но пожалела обеих. Горько, когда роскошные губят свою душу ради мелочного вместо того, чтобы залечивать боль. Что-то лихое гнало их на перекрёстки и вынуждало обращаться к иным. Те, впрочем, только радовались. Зулейка ощущала, как навий мир потирал руки, хоть и озирался с беспокойством по сторонам, словно боялся чего-то.

Им понадобилось два дня, чтобы достичь степного княжества. Одного из. Здесь всё пело и говорило о жизни. У замерзающей речки носились дети, женщины днём сушили одежду и жаловались друг другу, что зимой придётся чаще убирать дома и делать подношения духам, чтобы оберегали от слуг Морозной Матери.

В перелеске собирали грибы, вынося по несколько корзин.

В стороне доспевали самые поздние ягоды. Зулейка улыбалась всякий раз, когда ей на пути попадался ребенок, старик или кто-то в самом соку. Она не без восхищения смотрела на разряженных девушек и коренастых юношей, которые хвастались перед друг другом, перетаскивая толстые брёвна. Откуда-то потянуло запахом железа. Так Зулейка поняла, что в деревушке находится маленькая кузня. Удары молота о сталь манили даже детей. Да, здесь хотелось петь, виться между людьми и выпитывать Жизнь.

– А где твой княжич? – поинтересовался Лыцко.

– Так мы ж не дошли ещё, – Яремче пожал плечами. – Он в Липках, а тут деревня, понимаешь ли.

Если это только начало, то что же будет дальше? Зулейка боялась представить более людное место с теремами из резного дерева. Но до чего же было любопытно! Хотелось нестись туда, несмотря на усталость, но Яремче и Лыцко решили отдохнуть, тем более, что нашлись хозяева, готовые предоставить и ночлег, и сытный обед, и даже лошадей. За последних, правда, пришлось приплатить, но Яремче договорился сам.

– Сегодня я вам, а завтра вы мне, – он подмигнул Лыцку. – Мой княжич щедр, в отличие от своего брата.

И сказал это нарочито громко, чтобы окружающие слышали. Зулейка сразу поняла, что между княжичами кто-то посеял раздор. Ей не рассказали деталей, но сердце уже чуяло недоброе. Будь её воля, она бы посмотрела на дивный го-

род и вернулась бы в деревню, чтобы собирать грибы–ягоды в перелесках и слушать собачий лай.

Яремче и Лыцко привели её в избу. Местный господарь распорядился, чтобы им подали мясной похлёбки и по куску хлеба. Зулейку не смутили грязные лавочки, остатки крошек на столах и не стихающий гомон. Похлёбка показалась ей удивительно вкусной, хотя Бажена и Грицай готовили в разы лучше.

– А что, если мы не пойдём к твоему Ягрэну? – Лыцко с интересом взглянул на собеседника. – Осядем тут, а?

– Не хотите – не ходите, – буркнул тот, с охотой оторвавшись от тарелки. – Только не всякого безродного княжич принимает, а вам повезло.

Он уже понял. Зулейка увидела это в глазах Яремча. Он ничего не говорил вслух, но знал, что они с Лыцком не просто так появились на землях Пустоши. Как много ему открылось? Зулейка чувствовала: Яремче был уверен, что ведёт к своему княжичу не простых гостей. И почему–то именно они были нужны ему. В ней было достаточно сил, чтобы почувствовать мягкое касание злого рока, который пытался их втянуть во что–то лихое и нечистое.

– Мы пойдём, – отозвалась Зулейка. – Хотя бы поглядим на твоего княжича.

3.

Лихо сотворила Марена, и поделом ей, если гнев чародея обрушится на плечи и осядет тяжёлым камнем. Она видела,

как мучается душа Юркеша, бьётся о клетку, да выйти никак не может. Оттого взгляд княжича делался туманным, а он сам то манил её поближе к себе и сжимал в объятиях, то гнал с проклятиями за дверь. Хотелось, чтобы её заметили, увидели, признали – вот и получай теперь полную чашу.

Сперва Юркеш притянул её к себе и отказывался расставаться, затем прогнал. После менялся, и Марена видела, как дух его протягивал к ней руки и умолял освободить. Да, теперь она видела и сожалела. На душе скребли кошки, а smaragdovyy браслет, подаренный княжичем, жёг кожу. Одного ей хотелось – снять чары и обратиться поскорее в чашу, там её ждут таинства и там был её дом

Миловались они с Юркешем страстно, только Марене становилось холодно. Было совсем не так, как пелось и говорилось. В девичьих мечтах и рассказах скользила неземная любовь. На деле же... От хмельных напитков и то больше удовольствия. Губами дев говорил голод. Жадным до мужских ласк любая искра казалась огромным пламенем.

Марена наслаждалась пуховой периной. Она никогда не лежала на такой мягкой постели, даже вставать не хотелось. Хорошо было в комнате – тепло, мягко, светло, хоть в мир не выходи. До чего сказочным и жутким виделся ей княжий терем. Резные лестницы, узорчатые двери, всюду рисунки, пёстрые цвета, у входа – оживлённые торговцы, предлагающие каждому петушки на палочках. Как оно было карамельно и медово, если не заглядывать в души.

Внутри же – мрак. Лихие духи наводняли светлицы. Они бродили сквозь кривотолки, косые взгляды, злые сплетни, тайны, заговоры и попытки стравлять тех, кто сидел рядом на пирах. На каждом смарагде алела кровь, и самая чистая вода не могла стереть её. Да, стелилось тут мягко, только спалось жёстче, чем в господарском доме.

– Нет, – она прикрыла глаза. – Пусть ступает с миром, не по пути нам с ним.

Марена обрежет нить. Сегодня Юркеш как раз звал её в баню – лучше и не придумаешь. Она перемешает кровь с кровью и заставит княжича остыть. Она освободит его душу от тяжёлого хомута и позволит ей улететь к молодой княжне.

Стоило подумать об избалованной Ольшанке, как на лице Марены проступил оскал. Не нравилась ей невеста Юркеша, и не потому, что была богатой чужеземкой. Было в ней что-то... Цепкое, злое, мерзкое. Нет, она отпустит княжича, даст ему волю, которой он так жаждет, но Ольшанка... Ольшанка взвоят и прогнёт тонкую шею под давлением лиха, а потом сгинет далеко-далеко отсюда. Пусть ищет себе другую невесту – любую из всех девок на свете, только не эту.

Марена поправила зелёный сарафан и с облегчением скинула его, надев привычное платье. Поношенное, но любимое. Чародей заботился и об этом, хоть неохотно. Он отдавал должное не красоте, а удобству, потому в платье было достаточно карманов. И – никаких украшений и кружев.

Юркешу оно не нравилось, как и всем остальным. В тере-

ме вообще любили наряжаться и соревноваться, кто кого перещеголяет. Марене такое не нравилось. Мужчины в ярких кафтанах казались ей слишком вычурными, почти отвратительными, а знатные девицы и того хуже. Хорошо, что она выросла в чародейском доме.

– Госпожа, – в дверь просунулась служанка, – княжич повелел вам явиться.

– Уже иду, – невозмутимо ответила она.

Приходилось делать вид, что не замечаешь, как косятся и что думают. И кто вообще решил, что жить в княжьем тереме хорошо? Разве что на первый взгляд, да и то туманный.

4.

Лыцко не спешил доверять новому знакомцу. Не поверил он, что Яремче вот так вот взглянул одним глазом на колдовской лес и пошёл вместе с ними. Что правда, вёл он себя вполне обычно: прихлёбывал еду да так, что хлебные крошки застревали в бороде. По запаху тоже было ясно: давно не был в бане, хотя, по его же словам, любил попариться да попить хмельного. Простак, каких много, если не притворяется.

Мягкая постель не прельщала Лыцка. Сон не шёл. Пришлось одеться и выйти на крыльцо. Осень уже перетекала в холодную зиму. Иней отблёскивал на траве, последней, но по-прежнему зелёной. Деревья облетели – жёлтые и багряные листья валялись ковром на земле. Луна светила ярко-ярко, освещая мрачную деревню. Жители спали, где-то

в стороне лаяли собаки. Ни в одном доме не было огонька.

– Соскучился, золотой? – нечто мигнуло из ближайшей лужи.

Лыцко узнал знакомый голос. Мажанна смотрела на него мёртвыми глазами и аккуратно причёсывала болотные кудри. Одна из старших дочерей Водяного – ещё бы не узнать!

– Случилось что? – он осмотрел девицу и поневоле залюбовался её точенным лицом.

– А вдруг я соскучилась? – Мажанна подмигнула Лыцку и принялась играть с жемчужным монистом, которое висело у неё на шее.

– Так соскучилась, что рискнула показаться посреди людской деревни? – он усмехнулся. – Не первый год знаемся ведь.

Русалка перестала улыбаться и вмиг посерьёзнела.

– Отец прислал предупредить тебя, – она взглянула на Лыцка так, что у того похолодело на душе. – Держись подальше от чародейского леса, раз уж бежать решил. И сестриц держи, да покрепче.

– И с чего бы мне бояться чародея? – хмыкнул он. – Не властен уже старик над нами.

Мажанна покачала головой и растворилась, нырнув в лужу. Обернулась водой и понеслась в своё царство, оставив Лыцка в недоумении. Старый колдун бродил неведомо где. А если уже вернулся, то опоздал – не достать ему их с Зулейкой. Навьи слуги никогда не говорили прямо – всегда намё-

ками, образами, а ты сиди и думай.

Попросить бы Зулейку разузнать, что там вообще творится, только сперва надо бы засветиться перед княжичем... Лыцко тряхнул головой: нет, чародейские дела долго ждать не могли. На рассвете разбудит сестру и поговорит с ней. Может, с обрядом поможет, а может, она уже всё знает и молчит.

Он вдохнул прохладный воздух полной грудью и ушёл со двора. После разговора с Мажанной сон пришёл быстро, спокойный и полный осенних чудес. Виделось Лыцку, будто несётся он вместе с Осенью в колеснице, кричит гончим псам, чтобы не смели останавливаться, иначе слуги Морозной Матери вот-вот нагонят их.

5.

Марена с болью и жалостью смотрела на Юркеша. Русые кудри прилипли к спине, рот был приоткрыт, шрамы вились по телу маленькими змейками. Княжич тяжело дышал и потихоньку проваливался в сон. И хорошо, пусть спит под действием зелья, пока она будет ворожить и исправлять собственную ошибку.

Ей оставалась самая малость – несколько капель крови, воск багряной свечи и лента, которая должна была их разлучить. Марена уколола сперва ладонь княжича, затем – свой палец. Боль обожгла руку и заставила её сцепить зубы. Нет уж, дорогуша, терпи, иначе хуже будет.

Марена смешала кровь с капающим воском, поднесла красную ленту к пламени и принялась шептать давно извест-

ное заклинание.

– Заберите, пришедшие, тьму колдовскую, пусть растает с огнём и кровь с кровью разлучит, не останусь в долгу, ода-рю вас всех щедро, – и одним дыханием погасила свечу. – Истинно!

Марена верила, что чары подействуют. После сна Юркеш проснётся самим собой, его душа больше не будет взывать к её милости, умолять о свободе – она полетит вольным со-колом и запоёт. Слишком долго она держала княжича возле себя, боялась чего–то или хотела, чтобы рядом был хоть кто–то живой. А может, и то, и другое, кто уж теперь разберёт. Только не стоило оно того.

Лента дотлевала вместе с закатом. Красное солнце клони-лось к краю. Марена осмотрела Юркеша ещё раз: статный, ладный, с кудрями до плеч, орлиным носом и тонкими губа-ми. Княжич княжичем. Многих девок он ещё погубит, много горя выпьет Ольшанка рядом с таким. Может, и проще было ему оставаться зачарованным, только неправильно.

Она натянула платье и покинула баню, даже не задумав-шись о том, что подумают слуги. Ну присылал её к себе кня-жич и присылал, перед приходом Морозной Матери и не та-кое бывает. В страхе перед лютой зимой многие берутся во-рожить, чтобы отсидеться в тепле и покое и не попасть под колючую выюгу.

Во дворе пахло хмелем, служанки носились с чашами, подносами, сарафанами, кокошниками, монистами – видно,

готовились к очередному пиру. Пока одна смешивала румяна, другая очищала платье с блеском в глазах. Шутка ли – завидовать молодым княжнам, которые томятся в своих светлицах и не знают иной жизни. Марена покачала головой и прошла мимо. Наверняка кто-то её заметил, но ей до того дела не было.

Она знала: очнувшись, Юркеш разозлится. Он захочет вылить свою ярость и будет искать её. Нет, Марена не могла того допустить. Она исчезнет, сольётся с остальными и растворится так же внезапно, как появилась в тереме. Никто не увидит и не узнает лесной девки. Да, кто-то будет её искать. Возможно, сам Юркеш пошлёт людей на поиски. Но никто из них не найдёт её, даже ворожеи Ольшанки здесь не помогут. Их Марена тоже чуяла. Пусть ищут, роют землю носом, а она взлетит на птичьих крыльях и сольётся со степным ветром.

Стоило ухнуть филином, как служанки и служки словно замерли, кто-то дрожащими руками проделал крест и зашептал о недобрых знаках. Птичница ехидно усмехнулась и полетела далеко за пределы княжьего двора. Хорош был приём, только не для неё такая жизнь. Слишком совестливой оказалась. Глупо получилось. Если господарь узнаёт, то засмеёт ей и заставит вычищать горшки с золой две седмицы, а то и больше.

С высоты все дома казались Марене ладными. Сухие листья кружились у холодной земли. Шумели кроны деревьев, провожая осень. Где-то лесовик, прислужник Лешего, зача-

ровывал кусты в перелесках, чтобы давали побольше поздних ягод. Марена смотрела и улыбалась. Да, славно, когда люд в ладах с иными. На какое-то мгновение ей захотелось опуститься и обратиться девкой, чтобы пожить ещё седмицу-другую в самой простой деревне, вкусить человеческой жизни.

«Сладок плод, да косточки горьки», – вспомнилось неожиданно. И Марене пришлось согласиться с этой мыслью. Расправив крылья, она полетела дальше, туда, откуда вернулась. Она выросла в дикой чащобе, не помня жизнь без воровбы, а значит, там ей и место. Не в княжеской светлице, не в глухой деревне – лишь в господарском доме, среди багряных свеч, исписанных листов и витающей в воздухе волшеб-бы.

6.

Злая горечь съедала Ольшанку день за днём, даром что позабыл Юркеш лесную девку. Он вообще стал отрешённым, не обращал на неё малейшего внимания, говорил только со своим воеводой и старым князем. Мысль, что её тут не замечают, всё чаще проскальзывала в голове, заставляла кривить губы и царапать зеркала. Да, красива она, ясна, белолица, да толку с той красоты?

Усмешка перекосила лицо Ольшанки. Иная мысль, ещё злее и коварнее, забилась в голове и вынудила её подойти к столу. Зря Юркеш не верил, будто его наречённая потихоньку спевается с Ягрэном, ух зря. Ольшанка покажет им всем,

чего она стоит – сама возьмёт предназначенное, а несогласных повесит на ближайших деревьях, чтоб другим неповадно было.

Её размышления прервал стук в дверь.

– Да? – она тут же выпрямилась, приняв величественный вид.

– Доброго дня, госпожа, – служанка поклонилась. – Молодой княжич требует Вас к себе.

– Наконец–то, – едва слышно буркнула Ольшанка.

Она посмотрелась в зеркало, поправила косу, улыбнулась и пошла к выходу. Резная дверь с нарисованным соколом открылась и выпустила молодую княжну. Теперь оставалось подняться наверх и постучаться в покои Юркеша. Служанка следовала за ней и несла свечу. Ольшанка пыталась не спешить. Пусть все думают, что она не несётся по первому зову, а ступает медленно и неохотно, как будто её оторвали от важного дела.

О Ягрэне она вспоминала мельком. Желание написать письмо брату Юркеша исчезло на какое–то время, уступив место любопытству. Неужели княжич решил наконец–то исправиться, назвать её своей и дать вечную клятву? Её долго готовили к этому, и Ольшанка приняла бы свою судьбу, лишь бы только Юркеш был ей верным мужем и унаследовал княжество.

Стоило служанке открыть дверь в спальню, как тут же запахло лесными травами. Пришлось с трудом сдерживать злоб-

ный рык. Ольшанка скрыла гнев за медовой улыбкой и решительно вошла в светлицу наречённого.

– Давно не виделись, – Юркеш взглянул на неё. – Ты чудно выглядишь, княжна.

– Спасибо, – она попыталась изобразить смущение. – Я тронута Вашими словами.

– Славно, – он улыбнулся, но глаза остались грустными.

Ольшанка видела его будто сквозь болотный туман, пропитанный колдовскими снадобьями. Юркеш, подтверждая её догадки, потянулся к веточкам ели и можжевельника и втянул носом свежий запах. Да, княжич любил их и не брезговал – в углу стояли всевозможные склянки, в которых плескалось что-то мутное. А ещё Ольшанка краем глаза заметила птичье перо, и оно ей очень не понравилось.

– Мой отец умирает, – княжич посерьёзnel. – А брат готов пойти войной и сжечь нас вместе с городом. Ты этого хочешь?

Ольшанка помотала головой. Она не собиралась падать на колени и клясться ему в вечной верности – достаточно было лишь сделать вид.

– Значит, ты со мной? – Юркеш обнял её. – Ты ведь будешь со мной, княжна?

– Отчего ты ведёшь такие речи? – пробурчала она. – Ты знаешь, что я предана тебе, мой будущий князь.

– Да, – он поцеловал её в лоб. – Благодарю тебя.

Ольшанка почувствовала себя так, будто её окатили дёг-

тем. Она едва сдержалась, чтобы не отпрянуть и не побежать в мыльню, чтобы там тереть кожу до крови. Поймав себя на этой мысли, княжна усмехнулась: сердце уже всё решило, значит. Напишет она Ягрэну, поблагодарит его и попросит поддержки, а Юркеш пусть тонет в болотной тине вместе с пером, зельями и тоской по лесу или лесной девке. Пусть сдыхает, раз ему так угодно, на пару со старым князем.

Княжна с облегчением вышла из комнаты. Запах можжевельника и хвои вился где-то рядом, заставляя Ольшанку решительно шагать прочь. Княжич говорил сладко, обнимал тепло, только в мыслях его плавало нечто нечистое, если не сказать чуждое. И этого Ольшанка не могла простить Юркешу. За любовь к другой он непременно поплатится, и не золотом, а кровью. Так решила она, дочь князя Холмогорского, мудрого и уважаемого правителя. Ни одной безродной девке не сравниться с ней. И обижать себя Ольшанка тоже не позволит.

Она вспомнила, как стояла на перекрёстке с зажженной свечой, и усмехнулась: хорошо, княжна! Княжич ворожит, она – не лучше, в то же болото подалась, только её заклятие хватает цепко. Чувствовала Ольшанка, что сработало – услышали обитатели перекрёстков её просьбу и взялись за дело. И не ей стоило бояться пахучих трав да колючей темноты.

7.

Они покидали деревню верхом на лошадях. Лыцко не на-

шёл в себе сил встать на рассвете, разбудить Зулейку и рассказать ей о встрече с русалкой. Он смотрел на ковыль, которая вилась вдоль дороги, на лошадиную гриву и спрашивал себя: не о том ли он мечтал в господарском доме? Если да, то почему на душе совершенно невесело? Хотелось оглянуться, посмотреть на густой лес, но он давно уже исчез с горизонта.

Разные мысли крутились в голове. Лыцко вспоминал Мажанну, её взгляд, чешуйки на бледной коже. Вряд ли дочь Водяного решила его проведать от скуки. Может, чародей спохватился? Вернулся, узнал, что они с Зулейкой ушли, пришёл в ярость и захотел напугать, чтоб вернулись в господарский дом. Ему нравилось верить в это, и Лыцко охотно принял свои догадки за правду.

Он пустил коня в галоп и усмехнулся. До чего славной казалась поздняя пшеница! Колосья вились на морозном ветру, окружённые полынью и кустарниками. Иногда возле последних можно было заметить грибы. Большие и рыжие. Ещё попадались яблони, почти опавшие, но ещё не растерявшие остатков красоты. Как же сильно приглянулась Лыцку степь! Словно он родился ради этого. И ведь скачет не абы к кому, а к самому княжичу, если Яремче не врёт.

Далёкий господарский дом почти забылся, словно он вырвался из кошмара и наконец-то проснулся, став собой. Лыцко надеялся остаться при княжиче, сослужить службу, а там и до славы недалеко. Он почти ничего не знал о Ягрэне и его делах, но хотелось верить, что они с Зулейкой попали

на нужную сторону. Впрочем, не лыком шит: сам всё разузнает со временем, а после решит. Никто не сдержит его, если Лыцко захочет уйти восвояси. Чародей не сдержал – так смогут ли люди?

Хотелось бы получить с княжеского плеча немало почестей, и хорошо бы прославиться, стать видным воином, отстроить собственный терем посреди города, а после задуматься о семье. И никаких русалок, ворожбы и мрачного холодного леса. Хотя – шутка ли? – если бы не чародейское ремесло, он бы сейчас не ехал к княжичу. Не стал бы Яремче вести к своему господарю обычных крестьян. Мало ли таких попадалось ему на пути?

– Слушай, а каков твой княжич из себя? – поинтересовался вдруг Лыцко.

– О, – протянул тот, – мой господарь не похож на других. Княжич Ягрэн смотрит не столько наружу, сколько внутрь, понимаешь?

– Поглядим, – отозвался парень.

Лыцку стало вдвойне любопытно. Что в нём разглядит этот Ягрэн? Честолюбие или чародейство? А может, и то, и другое сразу. Как примет, захочет ли говорить, что скажет в конце? До этого ему не доводилось сталкиваться с княжичами – он рос в глухой деревеньке, где молились лесным духам и делали подношения лесавкам, мавкам, русалкам и прочей нечисти. Однажды откупом стал он сам, и ни один из знакомых ему людей не бросился за ним вслед – все приняли как

должное.

Оттого, может, и хотелось вернуться туда в богатой повозке, посмотреть в глаза соседей и кинуть в них золотом, чтоб хватали, как куры – пшеничные зёрна, дрались друг с другом за одну–единственную монету ему же на потеху. Тернистым был путь к этой цели, но Лыцку казалось, будто ничего труднее уже не будет. Самое страшное осталось далеко за спиной, впереди – люд, самый обычный, со своими тайнами и ножами за пазухами. Простой смертный не мог навредить чародейскому ученику.

– Перестань, – шикнула на него Зулейка. – Не ухмыляйся самодовольно, когда не знаешь, что впереди.

Как колко и точно! На Лыцка будто вылили ведро колодезной воды. Он встряхнул головой и понял, что забрался слишком далеко в мыслях. Если мечтаешь, то мечтай с умом, а не хвались самому себе.

– Спасибо, – ему до жути захотелось поцеловать сестру в щёку. – Я рад, что рядом!

Он погнал коня ещё быстрее и не забыл подмигнуть полуденнице, которая чуть ли не выскочила из–за ближайших кустов. Поняв, что её узнали, дева с шипением спрятала острый серп и исчезла в глубине степи.

8.

Зулейка никогда бы не увидела в этом человека старшего княжича. Пока его люди пировали и делились последними слухами, Ягрэн сидел в стороне и стучал пальцами по сто-

лу. В янтарных глазах плескалась усталость, море погасших огоньков. Он напоминал ей старого человека, который жаждет покоя. Зулейка взглянула на Лыцка – тот и вовсе не смотрел на княжича и витал в своих мыслях.

– Ну здравствуйте, гости дорогие, – Ягрэн жестом пригласил их к столу. – Присоединяйтесь и рассказывайте.

Они хотели сесть подальше, но сзади вдруг появились стражники, указывающие, что лучше бы Зулейке и Лыцку находиться рядом с княжичем. В нос ударил резкий запах хмеля и мёда. Да, пировали тут не первый день. Среди разношёрстной компании были воины, купцы, кто–то играл на лютне и иногда выпивал – скоморох, не иначе. Хотя сам терем едва ли отличался от господарского дома.

– Путешественники мы, – ответил Лыцко. – Ходим по белому свету, смотрим на люд, иногда защищаем слабых. Больше и рассказывать–то нечего.

– А вот в этом ты ошибаешься, чародейский сын, – произнёс Ягрэн. – Простому люду можете головы дурачить, только мне врать не смейте. Чародей вас послал, так?

– Нет, – продолжил Лыцко. – И не вру я тебе, княжич. Мы сами ушли из чащи, чтобы с чёрным ремеслом дел не иметь. Если позволишь, останемся при тебе.

Ягрэн свёл брови и хмуро посмотрел на Лыцка. Княжич, как и всякий другой человек, не любил ворожбы и старался держаться от неё подальше. Именно она, лихая, довела его брата до безумия, как рассказывал Яремче. Помешался

младший княжич и почти сошёл с ума. Не зря ходили кри-
вотолки и не зря старый князь не торопился передавать своё
наследие сыну.

– Оставайтесь, – он махнул рукой. – Но учтите если буде-
те моим людям головы дурить и скотину травить, то обоих
вздёрну.

Зулейка отпила хмельного варева и поморщилась. До че-
го же горько! И за что только любят его? Дурман в голове –
лихое дело, особенно для тех, кто пытается сбежать от себя.
Она не стала пить – взяла хлебную лепёшку, затем вторую,
третью... Вкусно готовили для княжича, лучше, чем мясная
похлёбка в деревне и стряпня из господарского дома. Неуют-
но ей было рядом с Ягрэном, но что-то подсказывало: так
должно быть. Он их принял и – больше того – сразу понял,
откуда они сбежали, но не стал гнать.

Лыцко уже пил хмельного вместе со скоморохом и рас-
сказывал, что может заставить русалок пустить в пляс. Хва-
лился и мёл языком столько всего, что Зулейка невольно по-
морщилась и отвернулась.

– Недурно, а, – усмехнулся Яремче. – Хороший у тебя бра-
тец, девка, да и ты сама хороша.

Она ничего не ответила, но инстинктивно взглянула на
разрисованную дверь.

– Тебя проводят, если хочешь, – едва слышно прошептал
Ягрэн. – Всё же девицам не место на молодецких пирах.

– Благодарю, – кивнула Зулейка и встала из-за стола. При-

шлось последовать за слугой и понадеяться на благоразумие Лыцка. Хоть бы не натворил лихого и не рассердил иных.

Стоило двери закрыться, как наступила тишина. Только сейчас Зулейка заметила, что терем почти пуст и тёмнен. Она шагала за слугой мимо расписанных стен и лестниц с дивными узорами. Где-то в углу стояла поломанная прялка, на какой-то лавке лежало зеркальце. А в одной из комнат другая служанка чинила монисто, нанизывая сияющие синие бусины на толстую нить.

Зулейка не бывала в богатых домах, но знала: в каждом есть ходы для господарей, и они не должны пересекаться с другими. Здесь же всё было словно вперемешку. То ли княжич не мог похвастаться большим кошельем, то ли не захотел – неизвестно. Что-то тёмное лежало на душе Ягрэна, и говорить о том с чужаками он не собирался.

9.

Тащить в лапах котомку было тяжело. Силы покидали Марену. Всё же она неважно перевоплощалась, иначе бы не рухнула посреди степи. Хорошо хоть платье успела захватить, и не придётся наколдовывать морок.

Голодная и тощая девка посреди полей – не самое благоприятное зрелище. Марена знала, что на неё будут коситься почти так же, как в князьем тереме. Может, попроситься к поляницам? Полевые русалки могли бы помочь ей, но что-то подсказывало: откажут.

Марена присмотрелась: и впрямь казалось, будто пшенич-

ное поле наливалось кровью. Она почти ощущала острый серп за спиной. Нет, не рады ей поляницы. Не нравилось им, что какая-то чародейка вдруг нарушила покой. Пришлось шагать дальше и не уповать на силу, которой почти не осталось.

Одно радовало – спала тяжесть с совести, не терзали её больше мысли о Юркеше. Зачем только тратила время на приворот? Хотела иметь хоть какую-то ниточку? Марена поморщилась от морозного ветра и тотчас пожалела, что так спешно покинула терем, не прихватив ни еды, ни тёплой одежды. Она даже не знала, сколько ей идти до господарского дома. Скоро ли покажутся земли Пустоши? Нет, так не годится.

Марена присела на траву и воззвала. Господарь учил её: если закончились силы, отдохни, не трать остатки, в крайнем случае – призови Жизнь и возьми чужое. К последнему способу нельзя было прибегать без особой нужды: сегодня берёшь ты, а завтра заберут у тебя и намного больше. Но Марене ничего другого не оставалось, разве что замёрзнуть тут, посреди поздней пшеницы, не дойдя до Пустоши или ближайшего перелеска.

И Жизнь отозвалась – начали слетаться птицы. Одни садились на плечи, царапая одежду когтями, другие топтались рядом, третьи кружили над головой, размахивая крыльями. Галки, вороны, голуби, был даже один сокол – все кружили возле Марены и питали её.

– Спасибо, – она слабо улыбнулась, чувствуя, как под кожу забирается нечто новое. – Спасибо вам, милые!

Голуби курлыкали, вились вокруг, вороны перескакивали, клевали колоски и пытливо смотрели, галки копались в земле, стараясь найти там пищу. И все они отдавали – Жизнь стекала с каждого и передавалась Марене. Самые слабые закрывали глаза, чувствуя усталость и желание погрузиться в глубокий сон. Те, что посильнее, взмахивали крыльями и летали, создавая вихрь, насыщающий и полный тепла. Кто вообще сказал, что жарить и согреть может только пламя? Жаркий ветер обдавал тело Марены, да так, что на щеках выступил румянец. Хорошо, жутко хорошо!

Она пообещала себе не брать много, но как приятно оно было! Хотелось ещё и ещё, чтобы познать блаженство и побыть на его вершине хоть немного. Марена вовремя одёрнула себя, напомнив, чем могут обернуться столь желанные мгновения. Пришлось с трудом отпустить птиц и вытряхнуть из котомки половину вещей, оставив лишь самое нужное.

Крылатые исчезли – большинство улетело, кто-то остался посреди поля, чтобы отдохнуть. Марена чувствовала невероятную благодарность к этим галкам, и её очень радовало, что они остались живы. Ещё немного – и выпила бы досуха вместе с душой. Случись это, она бы вовек не расплатилась с богами. К счастью, все призванные птицы остались живы.

– Спасибо вам! – тихо прошептала Марена прежде, чем снова сменить обличье.

Она взлетела ухающим филином, подхватила лапами полегчавшую котомку и понеслась вдоль всего поля. При попутном ветре до леса оставалось всего ничего, а там и господарский дом. Эх, не стоило ей уезжать с возницей, разве только для того, чтобы снять чары с Юркеша. Остальное виделось ей туманным пятном в памяти. Сладкий сбитень, хмель в голове, пуховая перина, светлица, сам терем – всё оно было каким-то... Ненастоящим, словно выткал кто-то ладный морок и заставил её окунуться в него с головой.

V. Скомороший смех сквозь птичий клёкот

1.

Крылья принесли её в далёкую деревеньку, откуда уже виднелась Пустошь. Марена спряталась в широком дубе, чтобы не пугать людей. Ухающий филин среди бела дня с котомкой в когтях привлёк бы немало народу. Меньше всего ей хотелось создавать шум. Оставалось дожидаться, пока деревня покроется мраком, а после пуститься в свободный полёт. Она даже успела сладко придремать, зарывшись в перья. Запах прелых листьев сплетался с дымом, вдали звенели чьи-то голоса. Дети рвались к перелеску, кто-то торговал печёными пирожками. Жизнь текла своим чередом. Большинство обсуждало скоморохов, которые выступали у другого края. Туда же стекались остальные, чтобы увидеть чумазных шутов и посмеяться вместе с ними.

Глаза Марены загорелись любопытством. Она много слышала о бродячих скоморохах, но никогда не видела их воочию. Опасно ей было лететь туда, но как хотелось! Пришлось щёлкнуть клювом и прыгнуть, переворачиваясь в воздухе. На морозный мох Марена рухнула уже человеком. Кости жутко болели, ещё бы – не каждое тело могло перенести такое! Она пообещала себе от души отдохнуть и отоспаться,

как только появится возможность. Но сейчас было не до того – Марена слилась с толпой и пошла на представление. Деревенские вряд ли сразу поймут – все взгляды были обращены на маленький подмосток, где криво двигались размазанные шуты.

Музыка неприятно резанула уши. Неритмичная, фальшивая, она пьянила крестьян сильнее браги и заставляла их глаза стекленеть. Сначала начался хаотичный танец: каждый двигался как мог, задевая остальных. Скоморохи в масках, перемазанных дёгтем, закружились вместе с толпой. Марену быстро вынесло вдаль.

Чародейка скрестила руки, зелёные глаза загорелись злобой и праведным гневом: кто–то колдовал, причём нещадно! Она сама сотворила похожее заклинание несколько часов назад, только Марена хорошо владела собой, и потому отпустила птиц, не стала выпивать их, взяв с каждого понемногу. Здесь же кто–то ворожил по–чёрному, выпивая людей без остатков, и ей это очень не нравилось.

Скоморохи виднелись в рядах деревенских, музыка продолжала нести злое и окутывать людей в зыбкий туман. Птичница принялась искать игравшего, но тот никак не попадался на глаза. Стоило пойти на звук, как он стихал и начинал раздаваться с другой стороны, словно кто–то решил сыграть с ней в мерзкую игру. Марена люто зашипела, призывая всех крылатых снова. Да, у неё оставалось мало сил, да, птицы могли не прийти, не услышать или не захотеть –

она не была властна над их волей.

И всё же хриплое карканье грачей нарушило ворожбу. Иссиня-чёрная стайка запрыгала вокруг толпы, разбивая движение и соревнуясь с играющей свирелью. Марена не оставляла попыток найти музыканта, чтобы посмотреть в его глаза и самолично переломать пальцы.

– Да что же это творится, братцы? – гаркнул крестьянин совсем рядом. – Нечистая сила нагрязнула!

Марена усмехнулась: люди начинали приходить в себя и одёргивать остальных. Скоморохи, учуяв неладное, попытались исчезнуть, но не тут-то было. Ей наконец-то удалось отыскать музыканта – мальчишку в медвежьей маске и грязной латаной рубахе. Чёрная свирель шипела змеёй в его руках и требовала, чтобы хозяин продолжал играть.

– Ну уж нет! – она схватила незатейливого музыканта за плечи и свалила его на землю. – Вот ты мне и попался, голубчик!

Тот принялся отбиваться, благо, подросли крестьяне. Разъярённые и жаждущие покарать нечистых. Марена не без усилий выбила мерзкую свирель из рук ворожея, решительно приспустила деревянную маску и обомлела, замерев на месте.

Дальше всё понеслось в тумане: вот залитые невесть чем глаза Ядвиги, вот злая толпа, вот деревья и верёвки, вот сдирают маски с остальных скоморохов и с ужасом узнают в них недавно пропавших священников, затем всех пятерых веша-

ют, а те не сопротивляются – переходят из рук в руки, словно неживые тела.

Только Марене было понятно: Ядвига уже мертва, и непонятно, что произошло с ней. Кто мог так надругаться над сестрой, заставить её плясать и высасывать Жизнь из людей? А может, она сама неудачно провела обряд и позволила влить в своё тело что-то иное?

Марена сидела на земле и смотрела на стоптанную траву, не желая поднимать глаз. Одна страшная мысль переплеталась с другой, и все они сливались в жуткий хор. Её дух забился где-то на грани. Сейчас он не хотел ничего понимать. Устав от всех злоключений, птичница рухнула на землю и закрыла глаза. Темнота подхватила и понесла её далеко-далеко.

2.

Смарагдовое монисто вилось змеёй по шее и сдавливало горло. Ольшанке мерещилось, будто оно уже кусает её и яд растекается под тонкой кожей. Не ей предназначался этот подарок, но ничего другого у Юркеша, видимо, не нашлось. Откуда ему было знать, что княжна ненавидела зелёный и улыбалась пирующим из вежливости?

Между тем Войцех, воевода князя, делился последними новостями. Купцы и бояре вторили ему, рассказывая разные сплетни, собранные отовсюду. Болтали о шелках и тонкой пряже, о злобной чаше, где якобы завелось лихо, о деревнях возле Пустоши, в которых люди сходили с ума и резали друг

друга. Ольшанка слушала с интересом, хоть и упорно делала вид, будто её слишком сильно интересуется мелкая жемчужная россыпь на рукавах.

– Во как, – протянул купец, – говорят, брат на брата пошёл: сперва все как запляшут под скоморошью дудку, а потом – хрясь! – и резанина.

– И какая же это собака набрехала? – буркнул кто-то из бояр. – Где это видано, чтоб крестьяне начали глотать друг друга, как голодные псы?

– В мыльне, небось, наслушался, – хохотнул другой. – Местные девки и не такого расскажут, лишь бы сидел подольше да монет покрупнее отсыпал.

– Не обращай на них внимания, княжич, – махнул рукой Войцех. – Сейчас много всяких кривотолков ходит, только правды в них мало.

– А что отец? – спросил вдруг Юркеш. – Ты один вхож к нему, остальных гонит.

– Иссеякает его время, – поморщился воевода. – Но ты не беспокойся, он в ладах с собой, хоть и чувствует, как бродит костяная где-то рядом.

Они разговаривали совсем тихо. Ольшанка сидела рядом со своим женихом, потому слышала каждое слово. Правду говорили: при смерти старый князь, не зря он почти не показывался. Значит, совсем скоро Юркеш займёт место главного, а она станет княгиней. Не будет же он лесную девку под венец тащить! А может, та вообще сгинула – не зря ведь

чернавка улыбалась Ольшанке и говорила медовым голосом, что в тереме стало чуть свободнее.

От Юркеша за версту несло можжевельником и еловыми ветвями. Ольшанке это нравилось едва ли не больше подаренного мониста. Княжна охотно вкушала солёное и запивала пряным вином, надеясь перебить ненавистные запахи. Но вместо мясного пирога ей виделся буйный хвойный лес, который расцвёл посреди багряной осени и стал ещё темнее и суровее.

– Не желает ли ясноокая пани земляничного чаю? – Ольшанка так посмотрела на разговорчивую чашницу, что та отскочила, потупив взгляд.

– Желает, – неожиданно для себя сказала княжна. – Заваривай, да послаще и погорячее.

Войцех продолжал говорить о том, что скоро зима, а князь чувствует себя совсем неважно, да и Ягрэн созывает воинов, не желая мириться с тем, что его оттеснили и отняли положенное по наследству. Юркеш слушал и качал головой. Ольшанка с аппетитом пила обжигающий чай, который отдавал спелой земляникой и малиной, и жадно ловила каждое слово воеводы. Есть ли у Ягрэна наречённая? Судя по всему, нет. Если так, то может ли она, Ольшанка, стать ею? В тереме её считали чужачкой и не допускали до важных дел. Ягрэн... О, он вряд ли откажется от сообщницы и завидной невесты.

Ольшанка понимала, что её прислали сюда ради одного – продать себя, да подороже. И с этим она справится так,

что Холмогорский князь останется довольным и пришлёт ей щедрые дары на свадьбу.

3.

Рыжий и весёлый Лешко оборачивался то сизей птицей, то пнём посреди поля. Но последнее его обличье совсем не понравилось Зулейке – деревянная скоморошья маска отдавала злобой, а латаный костюм походил на одежды бродяги. Вряд ли этим можно было развеселить люд. Но Лешко–скоморох лишь загадочно улыбнулся и протянул к ней руки–ветви.

Зулейка кричала и пыталась вырваться, но бесполезно – её понесло сквозь Пустошь в колдовскую чашу, к самому сердцу леса, где созревало *ничто*, ожидая своего пробуждения. Его сердце медленно билось и жаждало тепла, а ещё – свежей людской крови. Оно хотело расти, потому манило к себе. Того, кто не желал идти, утаскивало против воли. Зулейка попыталась заглянуть, но ветви больно резанули по коже.

Очнулась она уже в светлице, уставшая и не помнящая себя. Гостя княжича Ягрэна, как же. Зулейке не хотелось находиться рядом с такими особами – возле них вечно лилась кровь, сыпались золотые монеты, оборачиваясь грязью и мраком. Она хотела окликнуть Лыцка, но достаточно было пробежаться по коридору и увидеть его среди купцов и княжьих воинов. Его лицо сияло радостью, и Зулейка посчитала, что не вправе говорить ему о лихом. Её пугало зарождавшееся чудовище. Поэтому пришлось обратиться к иным.

Ходящая по грани, Зулейка могла в любой момент приподнять завесу и заговорить с духами нави. Она зажгла три свечи – по одной в каждом углу, сама встала в четвёртый, как было заведено, и позвала их.

Грань зашевелилась не сразу – сперва не происходило ничего. Затем откуда-то потянуло гарью и Зулейка почувствовала, как что-то прошло в мир, откликаясь на зов. Один из духов пламени обратился к ней сквозь свечи.

– Ты ждёшь ответов, но ты сама есть ответ, – это была очередная загадка. Зулейка понимала, что иные говорят образами – они никогда не расскажут о происходящем точно.

– А мой учитель? – она облизала пересохшие губы. – Он тоже есть ответ?

На мгновение ей показалось, будто комната колыхнулась. Дух разъярился, но вовремя унял свой гнев и не стал жадно впиваться в древесину, сжигая по кусочку терем.

– Он тот, кто поставил вопрос, – пламя колыхнулось. – Вопрос стоит, кровь питает кроны, и никто не спешит держать ответ, становясь на скомороший путь.

Невольно Зулейке вспомнился Лешко. Во сне он казался ей причудливым, весёлым, но до жути злым и жаждущим разрушения. Именно перевёртыш поволок её обратно в чашу, выбрав самое безобразное из обличий.

Холод прошёлся по коже. Зулейка поняла, что у неё не хватит сил больше удерживать духа. Пришлось закрыть завесу и проводить навьего гостя туда, откуда он явился. Погасив

свечи, она рухнула на стул и отрешенно посмотрела в окно. Зима ступала медленно, но твёрдо, заставляя землю покрываться инеем, а траву – погибать. Деревья стояли почти голые, на ветвях сидели вороны. Зулейка совершенно некстати вспомнила о Марене. Как она там, в господарском доме?

Под рёбрами заскребло. Она не знала, догадались ли остальные, поняли, что в чаше зреет лихо? Если да – хорошо, если нет... Зулейка сложила ладони и начала молить всех богов, чтобы те послали кошмарные сны не только ей. Они должны, обязаны узнать, иначе будет много горя.

И тут–то её осенило: она может пройти навьими тропами и пробраться в дом, чтобы предупредить остальных. Но что, если чародей уже вернулся? Тогда ей не избежать гнева. Зулейка схватилась за голову и свернулась в ком. Из глаз полились горькие слёзы. Как же хотелось ничего из этого не знать и быть простой крестьянской дочкой! Она билась об подушку и всхлипывала, отказываясь верить, что ей дана такая жизнь. Слишком тяжело тащить чародейское бремя, которое никак не сбрасывалось с плеч.

4.

Резкий запах хвои ударил в нос. Лапы мрака отпускали Марену неохотно. Она с трудом открыла глаза и повернула голову. Вокруг стояли всевозможные пузырьки со снадобьями, вверху висели охапки трав, а в соседней комнате кто–то суетился. Видимо, ей повезло. Хорошо, что в деревне нашлась лекарка.

– Очнулась, болезная, – женщина хмуро посмотрела на Марену. – Ты ведь не из здешних, так откуда?

«Из чародейского дома» – хотелось буркнуть в ответ, но она сдержалась. Хлопот и без того хватало. Она ведь даже не знала, что случилось с Ядвигой. И сейчас, и до того, как ей взбрело в голову пить человеческие силы.

– Я путешествую, – туманно отозвалась Марена. – Подходила к деревне, и тут вдруг услышала, как говорят про скоморохов... Любопытство взяло.

Лекарка ничего не сказала – только бросила взгляд на лежавшую в углу котомку и сдвинула брови. По этому взгляду Марена поняла: она или уже знает, или только догадывается, но вряд ли желает ей зла, иначе бы не стала укладывать в постель.

– Скоморохи, – покачала головой лекарка, – а скоморохи ли то были? Разве это потеха – превращать честный люд в абы что?

Марену передёрнуло. Она тоже хотела бы знать правду. Не могла Ядвига перемениться за несколько ночей вот так просто. А что, если её послал господарь? Мог ли он сотворить подобное? В конце концов, чародей подарил им новую жизнь – значит, был вправе отнять её. По крайней мере, попытаться.

– Что с ними стало? – Марена боялась ответа, но понимала: он ей необходим. Она уже представляла, как разъярённая толпа разрывает тела на куски и топчет деревянные маски.

Ей даже показалось, будто где-то вдаль закричала Ядвига, одна из её названных сестёр.

– Повесили, – лекарка зевнула. – Развеваются на ветру у могильников, можешь сама посмотреть, как поправишься.

– Да я уже, – Марена попыталась встать и пошатнулась – ноги внезапно стали слишком тяжёлыми. Тело отказывалось слушаться.

– Конечно, – та усмехнулась. – Вот что, девочка: не видь во мне дурной. Как придёшь в себя, потолкуем, а пока лежи и не думай о лихом.

Марена хмыкнула. Лекарка растворилась в травяном тумане. Комнату окуривали не первый раз – густой дым вился, принимая причудливые формы, почти как скоморошья пляска. Тепло и хвойный запах полностью обволокли постель. Из соседней комнаты потянуло ягодами и яблоками. Видимо, лекарка пила чай. Или готовила пирог.

Чародейка взглянула на свои руки: бледные, слабые. Её тело, кажется, измоталось окончательно и просило долгого отдыха, а ещё – мыльни. Марена невесело улыбнулась, прикидывая, во сколько ей обойдётся это. Впрочем, где-то там, совсем рядом, висит мёртвая Ядвига, которая уже никогда не искупается и не вкусит яблочного пирога.

Её снова унесло в скомороший танец. Вот кружится целая деревне, выгибается, извивается, словно ивовое дерево на ветру. Иногда в толпе мелькают деревянные маски. Марена пытается угнаться за ними, но спотыкается. Мешает ей

что–то или кто–то, не даёт подобраться поближе, а отовсюду так и норовят закружить. Крестьяне с мутными глазами тянут к ней мозолистые пальцы – она чертыхается и пытается сбежать.

Капли холодного пота стекали по шее. Марена откинулась на подушку и попыталась зарыться в тонкое покрывало. Её жутко морозило. Казалось, будто она вот–вот замёрзнет посреди тёплой травяной завесы и её похоронят аккуратно под висячими скоморохами. С этими мыслями она провалилась в кошмарный и беспокойный сон.

5.

Лыцко никогда не считал себя благородным – с детства скалился по–волчьи, а в господарском доме и вовсе вёл себя дико. Среди княжеской стражи ему было более уютно и привычно. Он смотрел, как ладно стреляет из лука Кажимер, как командует местный воевода, и улыбался. Именно с этими людьми ему хотелось остаться. Хотя учить его воинскому делу никто не спешил. На его просьбу воевода лишь загадочно усмехнулся и подкрутил усы.

– Не для того тебя княжич Ягрэн при себе оставил, – отозвался Яремче. – Ученику ворожея принято ворожить, иного не положено.

Был ли он разочарован? Скорее нет, ведь Лыцко находился не абы где, а при княжиче, который в будущем станет князем, а он – его ворожеем, первым среди остальных. Лыцку это льстило. Пусть душа требовала чистого поля и острой

сабли. Однажды он сможет заняться тем, чем захочет, и никто не будет ему указывать. Сейчас стоило оставаться здесь.

Лыцко смотрел, как упражняются стрельцы, и ему тоже хотелось попробовать. Тонкие луки, звонкая тетива и стальные стрелы. Чуть поодаль дрались между собой воины, скорее ради потехи и разминки. Он же жевал пирожок и пытался понять, для чего княжичу может понадобиться ворожей. Лечить раны? Допустим. Проклинать? И это можно было, хотя Лыцку не нравились чёрные чары. Носиться по кладбищам и читать обряды на пару с проповедями для живых? Тоже дело, хоть и почти бесполезное.

– Эй, – Кажимер встал рядом с ним, – ты ведь наш ворожей, да?

– Ну да, – пожал плечами Лыцко. – А что, дело какое есть?

– А снадобья варить можешь? – резко оживился тот.

– Могу, – он всё ещё не понимал, к чему клонит Кажимер.

Тот восхищённо воскликнул и неожиданно хлопнул Лыцка по плечу.

– Эх, повезло тебе! – мечтательно протянул старший из стрельцов. – Я бы тоже хотел, только мне не дано.

Лыцко улыбнулся. Да, Яремче не ошибся, когда привёл их с Зулейкой к Ягрэну. Они нужны были здесь, при дворе княжича. Ходили, конечно, слухи, будто Юркеш, младший брат Ягрэна, скоро займёт престол и станет княжить, только кто ж ему позволит? На стороне старшего было немало людей – стрелецкие отряды в нарядных красных кафтанах, воины,

теперь вот они с сестрой, два чародейских отпрыска. Мало ли было этого? Лыцко был уверен, что нет. Они непременно одержат победу, если княжич Юркеш не пожелает добровольно отступить и уйти восвояси.

Сам он настолько проникся духом, что решил во что бы то ни стало всегда поддерживать Ягрэна и гордой поступью шагать вслед за старшим. Может, скоро он будет биться на равных вместе с Кажимером или закуёт вражеские войска в корку льда.

В тереме пахло мёдом, брагой и потом. Воины постоянно упражнялись, и Лыцко решил не отставать от них. Он тихо проскользнул между стрелецкими отрядами, поднялся по дубовой лестнице и оказался в своей светлице. На двери был нарисован цветастый петушок. Он улыбался, глядя на Лыцка. Последний усмехнулся в ответ. Знал бы кто, что он сам, по доброй воле, захочет ворожить дальше! Ох и смеялась бы Зулейка! Но ничего не поделаешь – если княжич ценит его за это, придётся показать и постараться.

В глазах Лыцка полыхнуло смарагдовое пламя. Он почувствовал, как бурлит сила в глубинах сердца и начал звать её, заставляя капли воды отплясывать на кончиках пальцев, виться, то теплея, то замерзая. Сила сочилась так, будто только и ждала приказа. На душе внезапно стало тепло и весело, а после его унесло в вязкую темноту.

6.

Господарь никогда не заставлял её ступать на страшную

дорогу, но всегда смотрел так, что Зулейке самой хотелось побежать сквозь неведомые леса, полные беспокойных духов и слугителей навии. Она ела хлеб с пахучим мёдом и думала о тёмном. Что, если она попытается сделать всего пару шагов? Среди братьев и сестёр Зулейка была единственной, кто мог долго поддерживать связь с навьим миром. Может, у неё получится и духи пощадят её? Голодные и жадные до человеческого тепла, они тянули лапы к душам и кружили их, вынуждая людей оставаться в нижнем мире.

Её не радовали ни светлица, ни сладкий мёд, ни чистое платье с бисерной вышивкой. Неважно, что они в милости княжича Ягрэна – он даже не подозревает, какое зло затаилось неподалёку и наращивает силы. И это совсем не его младший брат. Зулейка вообще не понимала, как смеют они, вышедшие из одной утробы, идти друг против друга, кровь против крови. Дурное дело они оба задумали, и ничего хорошего из того не выйдет. Неважно, кто сядет на место князя – братоубийство не смыть ничем, справедливое правление тоже не поможет.

Из мыслей её вырвал топот и мужской крик. Зулейка выскочила из комнаты и быстро сбежала вниз по лестнице. Увиденное ужаснуло её – Лыцко, не помня себя, раскидывал княжьих воинов и рычал совершенно не по-людски и даже не по-чародейски. Кто-то – кажется, Кажимер – умолял его опомниться, но Зулейке стало ясно: что-то овладело им. И жаждало оно лишь одного – крови, больше людской крови и

уничтожения. До чего же это напоминало ей оживший кошмар!

В её глазах заиграли искорки. Она призывала чародейское пламя. Зулейка, как никто другой, умела обращаться с благодатным огнём и направлять его в других. Не зря господарь учил её хорошо ворожить и общаться с навями.

– Пламень к пламени, кровь к крови, – слова срывались с губ. – Пусть моя кровь сольётся с кровью моего брата и освободит его.

Сила начала пульсировать и растекаться по жилам. Зулейка напряглась и направила её в Лыцка. Глаза застилал туман, но она отчётливо видела мшистую зелёную сущность, которая с хохотом вилась вокруг души Лыцка и сковывала её ветвями. Нет, она так просто не отдаст брата этой твари.

– *Отпусти его*, – это просила не столько она, сколько весь навий мир. – *От-пус-ти, мы ска-за-ли.*

Зулейка чувствовала: за её спиной море иных. Они не её служители, но стоит ей попросить – тут же перейдут грань и набросятся на неведомое существо. Навий мир отзывался многочисленными рыками. Он хотел и её саму, и Лыцка.

– *Да как ты смеешь?* – сущность взвилась и попыталась дотянуться ветвями до Зулейки. Нави пустились в пляску и понеслись навстречу. Зелёно-чёрный ураган разнёсся со страшными звуками: нечто с шипением отступало, отпуская Лыцка, нави же брали своё, вгрызаясь в смарагдовые стебли.

Безумный танец до того захватил Зулейку, что та даже не

помнила, как очнулась рядом с Лыцком. Они оба тяжело дышали, не зная, что сказать. Нечто жуткое и в то же время великое пронеслось между ними за считанные секунды, но Зулейка помнила каждый миг: как трепетала сила внутри, как нави пересекли грань, как образовавшийся вихрь подхватил её саму.

– Нам надо в терем, – прохрипел Лыцко и тут же закашлялся, схватившись за горло.

Да, он был прав. Они должны вернуться, причём поскорее, хоть навьими тропами, хоть пешком. Предупредить братьев и сестёр, а после бежать как можно дальше, за Малахитовые горы, в западные земли или в сухую ветреную степь, где живут дикие и кочующие племена. Не надо было останавливаться у княжича. Ничего хорошего рядом с Ягрэном быть не могло, и Зулейке стоило понять это сразу.

7.

Одна злая сила набрасывалась на другую, ещё более злую. Лыцко отрешённо смотрел, как нави вгрызаются в тонкие ветви и заставляют нечто неведомое шипеть. Что-то напевало ему сладкую песнь о мшистом лесе и его Матери, о мёртвой земле, которая погрузилась в сон до весны, о голых деревьях и выюжных ветрах. Лыцко слушал её – и его наполняло тепло. Он погружался всё глубже и глубже, позволяя мягкому голосу уводить себя вдаль. В сердце билось желание стать частью той песни, свернуться комом и уснуть в материнской утробе навеки, чтобы наслаждаться покоем.

В какой-то момент прекрасная песня прервалась – её заменило жуткое шипение. У Лыцка пошли мурашки по коже. Он стиснул зубы и сам начал вырываться, скидывая ветви. Нечто сопротивлялось, ему не нравилось и хотелось продолжать, но нави были сильнее. Они зажгли огонь Жизни в глазах Лыцка, и твари пришлось отступить. Она исчезла вместе со своими стеблями так же внезапно, как появилась.

Нави хотели вгрызться и в самого Лыцка, но Зулейка начала переманивать их к себе и загонять за грань. Иные не желали уходить. Им пришлось подчиниться пламени и спрятать свои клыки. Грань задрожала. Как только нави растворились в воздухе, Зулейка закрыла глаза и рухнула на пол. Лыцко присел рядом с ней и попытался осознать происшедшее.

Где-то в стороне вертелся Кажимер. Князьи стрельцы с ворчанием прикладывали травы к небольшим порезам. Сам Лыцко ничего не понимал – он помнил лишь смарагдовое пламя, мрак и тонкий девичий голос, рассказывавший о несбыточном и светлом. Сейчас до него доходило, что тварь зазывала его так же, как русалки заывают молодых парней. Она пела – и он слушал.

Но как, как неведомая тварь смогла подобраться к нему, господарскому ученику? Почему вообще она выбрала его? На ум приходили слова Мажанны и её взгляд. Да, русалка знала о чём-то, и ему стоит её спросить. Он разыщет дочерей Водяного и заставит их дать внятный ответ.

– Нам надо в терем, – в горле заплясала боль. Лыцко обхватил его руками и согнулся пополам, борясь с диким чувством.

«Позволь мне, я сделаю тебе хорошо», – зазвучал в голове сладкий голос. Ему пришлось сжать пальцы так, что костяшки побелели, а ногти впились в ладонь. Нет, он не мог разрешить этой твари снова завладеть собой. Просто не мог, не было у него такого права.

Он гнал её, угрожал, что снова попросит Зулейку призвать иных. Голос проскрипел что–то невнятное по–старушачьи и исчез. Лыцку хотелось верить, что навсегда. Каким же честолюбивым глупцом он был, когда думал лишь о княжиче! Нет, в этом мире есть дела поважнее братоубийственных войн. Чародейское ремесло звало его, и не откликнуться он не мог. Иначе погибнет. Лыцко слишком остро чувствовал это.

Зулейка устало посмотрела на него. Кажется, им обоим стоило посидеть в мыльне, выпить по травяному настою и хорошо отдохнуть. Не быть ему княжеским ворожеем. По крайней мере, пока.

8.

Хвойный дурман казался уже несносным. Марена отчаянно искала в себе силы, чтобы встать и впустить морозный воздух, чтобы свежесть наполнила комнату и прогнала запах тлеющих веточек. Вместе с ним... Вместе с ним она впустит Смерть. Ту, которая забрала жизни Ядвиги и неизвестных скоморохов.

Марена усмехнулась: а ведь она считала себя лучше остальных! Хороша господарская ученица, нечего сказать. Сбежала из дома, прыгнула в постель к замороженному княжичу, пока за окном творилось невесть что, петляла по дороге без сил, а после чудом выжила. Повезло, что рядом оказалась щедрая лекарка. Оставалось гадать, что она захочет в ответ.

А самое паршивое – её тянуло в лес. Марена всем сердцем желала прикоснуться к холодным ветвям, ощутить древесную кору кожей и посмотрела на замерзающую реку и русалок, которые подплывают к берегу в последний раз, чтобы попрощаться перед долгим сном. Она хотела бы увидеть, как бродит по чаще Морозная Мать, украшая голые кроны пушистым снегом и разгоняя непослушное зверье, которое не уснуло вместе со всеми. Что-то заскреблось под рёбрами. Её тянуло домой с неистовой силой, даже если там – гневный господарь. Она хотела сесть на тёплой кухне, прямо возле печи, и выплакаться Бажене, а ещё спросить у чародея, что произошло с Ядвигой и почему.

– Какое же мерзкое дело, – лекарка присела рядом. – Тебе когда-нибудь приходилось отрезать пальцы?

Марена помотала головой.

– А мне вот пришлось, – она невесело усмехнулась. – Иначе бы хворь пошла гулять по всему телу, а дальше сама знаешь. Знаешь ведь, как оно бывает?

– Жуть какая, – выдохнула Марена. – А как... Можно

узнать ваше имя, пани?

– Так себе из меня пани, – выдохнула она. – Лойца я. Ты, небось, голодная?

Лойца почти не говорила, но глядела так, что Марене пришлось рассказывать. Она поведала лекарке самую малость. что ушла из господарского дома по собственной воле, скиталась, после услышала про скоморохов и решила посмотреть поближе. О Юркеше ей знать не следовало.

Лекарка выслушала её внимательно, в её взгляде ничего не изменилось. Марена продолжила пить брусничный чай. Что она ей сделает, в конце–то концов? Лойца не ворожея, не чародейка – знает травы, может опоить зельем. Если бы хотела сгубить, давно сгубила бы.

– Мой долг перед тобой всё растёт, – Марена хмыкнула. – Что попросишь, пани?

– Пока не знаю, – лекарка окинула её взглядом. – А что с тебя взять–то можно, особенно сейчас?

Лойца была права: ослабевшая Марена могла, разве что, наворожить небольшой морок. А что ещё? Трав в доме лекарки было достаточно, зелий – тоже, а самоцветов в котомке чародейки не водилось. Жаль, не прихватила ничего чужого, когда сбегала из княжьего терема. Сейчас очень пригодилось бы. Взять хотя бы смарагдовый браслет или отливающее багровым монисто.

– И я тоже не знаю, – вздохнула Марена. – Но долг есть долг.

– Скажу так, – прищурилась Лойца, – если мне что-то понадобится, я дам знать.

– Это было бы прекрасно, – она улыбнулась. – Спасибо.

Разговор получался недружелюбным, хотя вражды к друг другу у них не было. Марена понимала: труд лекарки нелёгко. Слишком много всего приходилось видеть и делать. Оттого люди боялись лекарок, как и ворожей. Попробуй защитить кожу нитями или положить травы внутрь. Ещё хуже – прижигание ран или отрезание. Не каждый мог выдержать.

Вряд ли Лойца хотела, чтобы кто-то залезал ей в душу. Потому Марена молча доедала пироги и запивала мягкое тесто чаем. Травяная завеса уже не казалась такой дурманящей. Лойца убедилась, что с гостьей всё в порядке, а после снова куда-то ушла.

Марена встала и попробовала пройтись по комнате, заставленной всевозможными пузырьками. Ноги держали ровно, но передвигаться быстро ей не следовало. Колдовская сила и вовсе не отзывалась – значит, недостаточно отдохнула. Злоупотреблять гостеприимством тоже не хотелось. Придётся хотя бы день перевести дух, а заодно... Марена поморщилась. От одной мысли ей становилось плохо, но она должна была отправиться на другой край деревни и увидеть тела скоморохов собственными глазами.

Паршивое это дело – смотреть на ушедших, только выбора не оставалось. Её ждали морозные могильники, а затем – долгая дорога через Пустошь и чащу. Если снова встретит

возницу, повезёт. Вряд ли удача будет настолько благосклонной. Марена тяжело вздохнула. Запах можжевельника и ели зашекотал грудь.

Будь что будет, она справится, как только восстановит силы и снова сможет воровать.

9.

«В первую очередь я хочу поблагодарить Вас, ясный пан, за удивительную заботу, которая тронула моё сердце. Вынуждена признать, Ваше письмо застало меня совершенно неожиданно, к моему собственному стыду. Надеюсь, Вы тоже в порядке и полны сил, ибо я искренне волнуюсь за Вас и молю всех богов, чтобы княжич Ягрэн чувствовал себя хорошо и спокойно.»

Да—да, и мне совершенно не стыдно признаваться в этом, ведь Вы — родной брат моего наречённого, старший брат, между прочим. Я очень скорблю из—за Вашей ссоры и надеюсь, что в будущем Вы и княжич Юркеш заключите мир между собой, став сильными союзниками назло всем врагам.»

Вы спрашивали, как я себя чувствую... Как может чувствовать себя пленница в чужом тереме? Нет, княжич Юркеш хорошо заботится обо мне, он даже поселил подальше свою новую... Советницу, которая явилась к нему, словно ангел, прямоком из леса. Также он подарил мне замечательное смарагдовое монисто. О, не сомневайтесь, мои чувства к княжичу Юркешу довольно пылки и сильны. Я уверена, он

ощущает то же самое.

Наверное, Вы так же хотите узнать, что я намерена предпринять и предприняла ли уже. Княжич – мой наречённый, и я не могу пойти против него. Конечно же, я буду его поддерживать, как всякая любящая невеста. Я буду молить всех богов также и о том, чтобы его глаза всегда сияли ярко и были чисты. Что ещё может сделать любящая женщина? Или не сделать? Я не знаю, признаюсь честно.

*С лаской и уважением,
княжна О.»*

Письмо было шито белыми нитками. Ольшанка поджала губы и свернула бумагу. Оставалось лишь передать его верному посланцу и подождать.

VI. Чем дальше в лес, тем громче крики

1.

Одежда повешенных развевалась на ветру. Марена поморщилась. Она заглянула в посеревшее лицо Ядвиги, но не нашла там ничего необычного. Жизнь ушла из её тела несколько дней назад – осталась оболочка, которая рано или поздно иссохнет. Рядом с Ядвигой висел Лешко–перевёртыш, он же заклинатель дорог. Его рыжая копна превратилась в коричневую, отливая жиром и грязью. Других она не знала – то были совсем молодые мальчишки с лицами, перемазанными чёрной сажей. Казалось, в их глазах навсегда застыл предсмертный ужас.

«Уж не в Лешка ли влюбилась, брата названного?» – скалился Лыцко.

«Таких уток поймали!» – Лешко хвастался после осенней охоты.

Кто же заставил их наряжаться в грязные скоморошьи тряпки, надеть маски и пойти по деревням? Господарь не мог, Марена отказывалась верить, что это его ворожба. В той толпе нашлось немало погибших. Оттого воздух вокруг могильников отдавал гарью и сыростью. Вокруг насыпей со всевозможными цветами и записками замёрзла земля. Марена

опёрлась о ближайшее дерево и в последний раз взглянула на повешенных горе–шутов.

На душе было удивительно мерзко. Хотелось зайти в кабак и напиться браги, горькой и кружащей голову. Марена завидовала простым деревенским людям – они топили своё горе в огромных кружках, а наутро просыпались в беспмятстве. Брага помогала унимать острую боль. Но ей надо было идти. Если она хочет найти ответы, то должна отправиться домой как можно скорее.

– Эй, – её окликнул рослый детина, – ты на Пустошь собираешься?

– Ага, – хмыкнула Марена. – А тебе какое дело?

– Дык это, – он почесал затылок, – Лойца тебе подсобить просила, а у неё ко мне должок, знаешь ли.

– Надо же, – она развернулась. – Ну пойдём.

Ехать в телеге всяко лучше, чем идти пешком. Удача отчего–то любила Марену, либо же лекарке хотелось получить в ответ хорошую услугу. Кто их разберёт, да и она сама не сильно хотела разбираться. Подвезут – и славно, остального ей знать не надо было.

Гнедая кобыла неохотно тронулась с места и зацокала подкованными копытами. Марена посмотрела на исчезающую деревню и вздохнула. Теперь в этом месте навсегда останутся двое господарских учеников. На плечо опустилась снежинка. Первые заморозки принесли с собой маленькую вьюгу, которая потихоньку нарастала. Кристальные снежинки кру-

жились на ветру и оседали повсюду – на голых кронах, чёрной земле и пыльной тропке. Кобыла морщилась. Ей не нравился снег. Очевидно, она хотела вернуться в родное стойло. Марена прижала к себе котомку и прикрыла глаза. Слабость брала свою, вынуждая её провалиться в дрему.

Крыло Морозной Матери ударило по деревне. Снег стелился слоями и не спешил таять. Белый ковёр сливался с оранжевым. Он же заставлял всех прятаться: если летом люди охотно выходили на улицы, то теперь сидели по тёплым углам. Марена тоже забилась в угол скрипящей телеги и молила богов о том, чтобы они скоро добрались до Пустоши.

В княжьем тереме, наверное, продавали леденцы на палочках и вовсю топили мыльни, чтобы дружина согревалась вместе со старшими. Осталась бы там – наслаждалась бы тёплой водой вместе с Юркешем. Зачарованным Юркешем, конечно. Марена горько усмехнулась и покачала головой: нет уж, морозная дорога и холодные деревянные доски лучше ласк заколдованного княжича и карамельных петушков. Сладкой кажется жизнь рядом с княжичем, если выглядывать из господарского дома. Но спать в тереме спокойно может только самый бессовестный человек – иного просто задушат собственные муки. Честных – Марена была уверена – там не водилось, разве что чернавки, работающие с утра до глубокой ночи.

2.

Тяжело идти навьей тропой: всё сливается воедино, кто–

то то и дело норовит схватить за руки или сбить с ног. Лыцко поддерживал Зулейку, а она вела его по тонкой дорожке. Та причудливо вилась, заставляя их то резко поворачивать, то удивительно долго идти прямо. Оба чувствовали себя неуверенно один неверный шаг – и можно было навсегда провалиться в нижний мир. Зулейка не позволяла себе отвлекаться. Её глаза видели только дорогу. На жителей нави, прыгающих и выющихся вокруг тёплых душ, нельзя было обращать внимание.

В ушах звенело. Их звали по именам, наплясывали, напевали, рычали, угрожали и толкали – чего только не придумывали навьи жители, лишь бы сбить их с толку.

– Мониста, девочка, смотри, мониста!

– Хочешь, сыграю славно, а? Подойди сюда?

– Возьми у меня яблоко, милая.

– Эхехе, парень, иди гуляй к нам, да не сам, а с подружкой!

За плечом мелькнула расписная поляна со всякой снедью. Вокруг сверкали всевозможные ягодные кустарники, вился горох. Где-то рвались струны лютни. Неожиданно запахло мёдом и сладкими пирожками. Зулейка аж облизнулась, но даже не взглянула, чтобы узнать, откуда идёт дымок. Это всё был умелый морок. Нави прибегали к разным хитростям, но по их недовольному шипению она понимала: почти пришли.

Тропка в очередной раз вильнула, стихла весёлая песня, а запах сладостей пропал – вместо него Зулейка почувствовала хвою, под ногами захрустели осенние листья, а ещё – пу-

шистый снег. Как только морозный ветер прошёлся по коже, они с Лыцком радостно переглянулись: вот и пришли!

И впрямь – за поворотом выросли до боли знакомые ворота. Зулейка громко постучала. Ей до жути хотелось обнять братьев и сестёр, узнать, как поживает Марена, вернулся ли чародей... При мысли о господаре её передёрнуло. Что, если он уже прилетел? Тогда им с Лыцком грозит страшное. Возможно, они больше никогда не выберутся из дома и не увидят княжича Ягрэна. Отчего-то эта мысль не бросала её в дрожь. Казалось, будто её дух больше не находится в руках господаря. Если он вернулся и начнёт грозить, Зулейка найдёт слова для ответа.

Она расправила плечи и застучала в бревенчатые ворота более уверенно. Наконец, по ту сторону послышались шаги.

– И кого это принесло в лихой час? – Бажена отворила дверь и удивлённо уставилась на Лыцка и Зулейку. – Живые! Вернулись!

– Тише ты, – буркнул Лыцко. – Чародей в доме?

– Господаря нет, – Бажена развернулась. – Грицай, Ярем, живее накрывайте на стол! Лыцко и Зулейка вернулись!

Сама она поправила янтарные косы и побежала в дом. Зулейка вошла вслед за братом и заперла дверь на засов. Внутренний двор был удивительно пустым. Снег лежал вперемешку с листьями, в кухне горели свечи – остальные комнаты стояли в темноте. На старой калине созрели последние ягоды, но и их укрыло белоснежными комьями.

– Скорее, скорее, – торопила Бажена, – идите в дом, там и согреетесь, замёрзли небось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.